

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№07 (75) 2021

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2021. №06 (74). 102 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Главный редактор
Плесканюк Т.Н., 2021

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	6
Нагорная С.Ю. Русская разговорная речь в письменной фиксации: синхронический и диахронический аспекты	6
Твердохлеб О.Г. Повтор компаративов в поэзии С.М. Городецкого как средство выражения эстетических установок акмеизма: морфемная характеристика	18
Германские языки	29
Кузнецова М.С. Метаязыковая рефлексия о новейших англоязычных заимствованиях, ее содержание и формы проявления	29
Теория языка	39
Бочко М.М. Билингвизм: проблемы грамматической интерференции	39
Ермаков А.И., Ермакова О.А. Инструменты экспрессивного синтаксиса в аргументативной аттракции политического дискурса	44
Шургучинов Ц.С., Лущека А.Д., Старостенко А.С. Ошибки перевода BioShock infinite.....	50
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	57
Сергеева Н.В. Основные аспекты отечественных и зарубежных исследований в области понятийных и языковых категорий.....	57
Чуркина М.Д., Абрамичева Е.Н. Лингвокультурная адаптация кельтских фольклорных сказок при переводе на русский язык.....	66
Русская литература	80
Бурдина С.В., Деменева А.А., Кондаков Б.В. Дягилевский контекст «Поэмы без героя» А. Ахматовой.....	80
Теория литературы. Текстология	91
Ковалев Б.В. К вопросу о системах имен в рассказах В.В. Набокова (на материале рассказов «Рождество», «Оповещение», «Рождественский рассказ»).....	91

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Русская разговорная речь в письменной фиксации: синхронический и диахронический аспекты

Нагорная Светлана Юрьевна

канд. филол. наук, доцент Института иностранных языков
Цилиньский университет, КНР, г. Чаньчунь
sjnagornaya@yandex.ru

Russian colloquial speech in written fixation: synchronic and diachronic aspects

Nagornaya Svetlana Yurievna

Cand. Philolog. Sciences, Docent of the Institute of Foreign Languages
Jilin University, China, Changchun

Аннотация. В статье анализируются отклонения от нормы письменного узуса в текстах носителей русского языка в синхроническом и диахроническом аспектах. Проведенный анализ позволил выделить наиболее подвижные элементы в современных Интернет-текстах, отражающих актуальную речевую практику пользователей, когнитивную деятельность и языковую компетенцию. Обобщен новый материал, не подвергавшийся ранее исследованию, что позволило судить о современном состоянии речевой практики и тенденциях развития письменного языка.

Ключевые слова: письменная речь, устная речь, языковая норма, языковая компетенция, коммуникация.

Abstract. The article analyzes deviations from the norm of written usage in the texts of native speakers of the Russian language in synchronic and diachronic aspects. The analysis made it possible to identify the most mobile elements in modern Internet texts that reflect the actual speech practice of users, cognitive activity and language competence. The article summarizes new material that has not been previously studied, which allowed us to judge the current state of speech practice and trends in the development of the written language.

Keywords: written speech, oral speech, language norm, language competence, communication.

Выявление, описание, анализ процессов, происходящих сегодня в русском языке – остается одной из актуальных задач современной лингвистики.

В России стремительно меняются социально-политические, экономические, культурные условия, что оказывает непосредственное влияние на речемыслительную деятельность носителей языка. Язык чутко реагирует на все эти изменения и, в свою очередь, формирует определенные когнитивные структуры.

Для осмысления современной языковой ситуации, для ее объективного, достоверного исследования и определения тенденций дальнейшего развития необходимо привлекать разнообразные источники, широкий корпус текстов.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать ненамеренные отклонения от письменной нормы в текстах носителей русского языка в синхроническом и диахроническом аспектах.

Современные технические средства связи повлияли на устройство социальных и функциональных регистров русского языка. Например, Интернет сегодня представляет собой актуальный социальный контекст, он стал особой коммуникативной средой, вовлек в свои «сети» массового пользователя.

Интернет создал особую ситуацию существования устно-письменного языка, когда носители языка создают тексты, сочетающие в себе черты письменной и устной речи. Интернет-тексты массового носителя русского языка позволяют нам наблюдать взаимодействия письменного и устного русского языка, сочетание устной разговорной речи и письменной формы ее передачи в условиях, приближенных к устной речи. Поэтому язык Интернета позволяет изучать репрезентации конкретных языковых знаков.

Интернет сегодня дает возможность пользователям выразить свое мнение по любому интересующему автора вопросу, выразить свои взгляды на любую волнующую проблему. Таким образом, Интернет позволяет удовлетворить социальную, психологическую, коммуникативную потребность любого носителя языка. Следовательно, мы можем наблюдать, как Интернет-тексты отражают мировосприятие носителей русского языка, ментальность, языковую картину мира, самоидентификацию, речевую практику, когнитивную деятельность и языковую компетенцию.

Не является новым то положение, что язык Интернета быстро меняется. Намеренное искажение правописания, которое наблюдалось еще недавно, намеренная обработка графических средств, семантизация графем, компрессия наименований постепенно исчезают из поля целенаправленной деятельности пользователей Интернета. Не прижился «афтарский язык», не произошло формирование особой «сетевой» нормы, «новой» орфографии. Можно сказать, что доминирующая экспрессивно-эмоциональная функция уступила место прагматической, информационной. Как известно, функциональное изменение речи необходимо приводит к изменению ее структуры [1, с. 392]. Письменная коммуникация не смогла удовлетвориться и «чистой разговорностью».

Современные Интернет-тексты позволяют рассматривать наблюдаемые отклонения от нормы в них как ненамеренные, неосознанные, отражающие языковую компетенцию авторов. Оценить нарушения как неосознанные заставляют прагматические установки пишущих. Например, авторы блогов стремятся к тому, чтобы их статьи прочитали как можно больше человек и подписались на их канал, просят оценить их «творческую деятельность», поставить лайки: *Обязательно подписывайтесь на ютуб-канал и ставьте лайки! (Ермишова Марина); Буду рад Вашим комментариям и лайкам, подписывайтесь на наш канал «Два Муравья», Вас ждёт много интересного! (Два Муравья); Ставьте лайк и подписывайтесь на канал. (Женя и Даша Олейники); Подписаться на канал можно здесь. За лайки большое спасибо. (Рубинса. Путешествия. Хобби).*

Но читатели оценивают и языковую компетенцию авторов: *Какой лайк? Вы даже писать грамотно не можете, а ждете похвалы. Позорище! (Ирина Бергер); Какие лайки вам ставить???! Ошибка на ошибке и ошибкой погоняет. Текст даже не хочется читать (Илона М); Как можно подписываться на канал блогера, который не знает написание слова «видЕо»? (Лариса Клочкова); Вам бы немножко русский язык подучить, а потом блоги писать (Юлия Баранова).*

В данной статье предпринимается попытка обобщить наиболее частотные отклонения от кодифицированной нормы, выделить маркеры коммуникативной организации письменных текстов. Сравнительно-сопоставительный метод позволяет выявить вариативность языковых средств в письменной фиксации в синхроническом и диахроническом аспектах.

Следует подчеркнуть, что сегодня необыкновенно расширился круг пользователей Интернета, от детского возраста до преклонного, ср.: *Мне 76 лет...(Iudmila Moiseeva); В наше время...(средняя школа 1976-1987) (Владимир); Мне 52. Ваши советы читаю (Лариса Б); Я лично в 91 школу закончила, в этом году ни где ни учусь. (о а); Мне уже 40 (Olga Vakhtina); Мне 69. (Элла).* Пользователями Интернета являются люди разного социального положения, разного уровня образования.

Для настоящего исследования мы взяли Интернет-тексты разных форумов, чатов, блогов, различных комментариев, ранее не привлекавшиеся для анализа, которые отражают речевую практику массового носителя русского языка. В основном они представляют собой монологическую речь, реакцию на актуальную информацию, затрагивающую жизненно важные сферы авторов текста. Задача данного

исследования – выявить наиболее подвижные элементы письменного узуса, прежде всего подвергающиеся изменению.

Рассмотрим, какие нарушения норм русского языка являются наиболее частотными.

Исследование показывает, что носителями языка в устной речи активно используются частицы, так как обладают важной семантической специфичностью [2]. При фиксации же их в письменной форме, особенно, в спонтанной речи, в Интернет-текстах, отмечается наибольшее количество ошибок.

Самые частотные по употреблению в речи россиян являются отрицательные частицы, что позволяет предположить специфику когнитивных состояний носителей русского языка. Когнитивные состояния инициируют употребление именно отрицательных частиц, с помощью которых выражается несогласие, категоричность суждения.

Частотными ошибками в текстах являются:

1. не различение отрицательных частиц не/ни:

*Ну **не как** не пойму (Евгений)*

*У них нет **не** флага, **не** РОДИНЫ (Николай Емельянов)*

*Живу тут 25 лет и **не** разу не сталкивался (Geneb)*

*Про Екатеринбург, аэропорт Кольцово **не чего** не слышно? (Лариса Шумкова)*

*Гены **не кто** не отменял ещё (света ефимова)*

*Больше **не чего** там покупать не буду (Лариса)*

*...возмущена что нам не дают **не каких** прав что то узнать (Тамара Колчина)*

*...и **не в чем** себе не отказывайте (S.P.)*

*Не дай бог **не кому** (Любовь Большакова)*

*А если не ездить **не куда** будет еще экономней (Лида Рубцова).*

2. Нарушение слитного и раздельного написание не/ни с местоимениями, прилагательными, наречиями, глаголами:

*Они сами **ни чего** не знают (gelesoza)*

*Да не был ты **ни где**, особенно в Братиславе. (Александр Грек)*

*Кари! Фу! **Ни когда!!!** (СанСаныч)*

***Ни чего** не могу понять (Александр Сивков)*

*Моему сыну 13,5 лет. ...Мой сын не то что не любит читать, он **НЕ НАВИДИТ** читать (Татьяна)*

Его в магазинах **ни кто** не берет (Ольга Филипская)

Она и **небыла** великая должница перед всем миром (Русич)

Базовые знания, которые давали старые учебники **ни куда** не исчезли.

Закон...**ни кто** не отменял. (Александр транском)

Учат черт знает чему чего в природе **небывает лижбы** денег заработать
(кость прокофьев)

и **ненадо** об этом забывать (Евген)

аромат **не повторимый** (Дмитрий Васильев)

Я вообще **незнал** что третий шоколад продается (Volex Tagatine)

Незнаю, какие там Овны честные (Россия)

Он там был **ни кем!** (Анатолий Мешков)

Маски **ни какие** не понадобятся (Наталья К.)

Они о Родине **недумали!** (Валера Боянов)

Я **невсегда** согласен с мнением автора! ...крем для обуви стоит 39, если
неошибаюсь (Олег Журавлев)

Ничего противозаконного в этом **невижу** (Иван)

Незнаю, мне противно...молодости невернуть да и жизнь заново непрожить
(Олеся Кулакова)

Ранее ни одной серии про Черкасова **несмотрел** (Барон Мюнхаузен)

Низачто не поверю, что она не была пионеркой (Юрий Иванов)

Отмечается и дефисное написание: За людей **ни-кто** не считает (Sanya
Minhev).

3. Нарушение правописания усилительной частицы то:

Почему то не могу пить обычный (Александр Карташев)

Кто то молодо выглядит (Лара Рыжкова)

Ждет что с ним **кто то** поговорит... Ложь это защита **от чего то**
(Убежденный холостяк)

Кто то правильно сказал (Августа)

Где то читал (Андрей Томашов)

После танцев **как то** помягче стала (Надежда)

вообще то там есть ум (Сергей Долгов)

Комуто оказывают помощь? (Антон Р.)

Мы в России **по чему то** со времен СССР постоянно смотрим (Санта
Рождественский)

У одного автора отмечается разное написание в одной статье: **Кто-то** считает, что фильм противен... **Тут то** и открывается самое интересное... **Вот тут то** и начинается самое интересное...(Уроки китайского с Натальей)

Встречается и дефисное написание:

Но до сих пор **ни как че-то** не разваливается (Андрей Агапов)

4. Нарушение правописания частиц бы, же, ли:

Может быть это **было-бы** интересно и впору в КВН (Александра)

Ну главное, **что бы** собаки не испугались, а больше не кому (Владимир С.)

...исключение разве что отели рассчитанные на европейцев ну может быть центр крупного города, где **так-же** много европейцев (Американо Americano)

Пролистала текст, **что бы** уделится что автору насували...(Ирина Лебедева)

Он не смог **да же** свой развод предвидеть (Темка)

Я думаю и в Канаде **так-же** (Игорь Самохин)

Предсказатель **что-ли** я? (Санек)

Народ, вы хоть американские фильмы внимательнее смотрите, **что-ли...** (vale 2511)

Однако радует, что в последние годы туристы становятся вежливее, **что-ли**. (Торшина-путешественница)

Что бы приехать в Мексику, нужно заполнить две формы (Дно Мещанства)

Ты либо умеешь им пользоваться и делать это как-то красиво, либо ты искусственно делаешь так **что бы** людям было смешно... Они смогли уделить времени каждому герою **что бы** могли с ними хоть чуть-чуть познакомиться (iReviewd)

Все так, только я не помню, **что-бы** в предыдущие годы...(Влад Земсков)

Что-бы хорошо отдохнуть, нужно сильно устать. (Максим)

Ни когда не понимала, как в ней можно усмотреть трепетную 20-ти летнюю девушку...**этож** сколько надо было бухать? (Наталья Бакулина).

5. Нарушение написания частицы вряд ли:

Хотя **наврядли** (Helga_Oleg)

Об безопасности **врядли** думала администрация (Диомитр П)

И описанные тобой экстремальные варианты – это уж **вряд-ли** Наташи выберут (Андрей К.).

Кроме того, следует отнести к частотным нарушениям:

6. правописание наречий:

Тогда **по американски** вырожусь.. (Игорь Кривенюк)

А что, если написать не лайфхак, а **по русски СПОСОБ?** (Александр Ревякин)

Речь то идет об остатках продуктов, хотя заголовок подразумевает не это и не указано **на сколько** дольше сохранить получается, т.е. что то субъективное и вряд ли достоверное (Сергей К.)

Ни кто не знает даже где он находится и как выглядит, а значит его **не возможно** не убавить не прибавить! (Только факты)

На сколько знаю существовал приказ (БеШaNАЯ КоТеЙкА)

И я ощущаю **на сколько сдесь** комфортнее жить (Елена Ерухаева)

И все мотают **от сюда** (Юрий)

Именно **от сюда** и началась ее революционная деятельность и попытки восстания (#11)

Только я думаю надо тереть **с низу в верх** (ЯНАТ)

По русски скажу (максим силкин)

Видеть людей **на сквозь** (Лидия Лидия)

Экономия это например купить билет на самолет **за долго** до сезона, на распродаже (Саша Котляренко)

Отражение на письме ассимилятивных и диссимилятивных изменений согласных: нам **сдесь** и сейчас жить (Андрей); и видят как мы **сдесь** вымираем (Олег).

Была **по-моложе**, любила экзотику с палатками, а сейчас...(Ната Ната)

7. правописание все-таки:

Все таки «я был за границей» и «я жил за границей» разные вещи (Дима Школьник)

Сплошной расизм в комментариях, так **все таки** расизм... (Денис Солодовник)

8. правописание лишь:

И это **всего-лишь** 8-я причина смерти (Александр Н.)

Артисты и актеры они **всеволишь** артисты и актеры (Владимир Костылев)

Громкие заголовки в статье «ни о чем». Одна за другой, **лиж** бы читали, **лиж** бы комментировали. (Евгений Дёмин)

Явная коммуникативная неудача возникает, когда нарушение написания слов влечет за собой искажение смысла высказывания: ...но это мой дом. Но **придать** это **некогда**. (Дима Силисютин); Раз **придал** родину, **придашь** ее еще как

сблизал так живите где живете (Владимир Емельянов). Важно учитывать насколько написания снижают успешность декодирования.

Отклонение от норм кодифицированного литературного языка часто вызывают у читающих реакцию осуждения, возмущения:

Безграмотная статья во всех отношениях, - как по правилам русского языка, так и по аргументам... (Николай Городищев)

Орфография и пунктуация хромают у вас. Так безграмотно пишет молодёжь... тоже мода такая (анжелика)

Статья интересная, однако нужно учиться правильно строить предложения, ну и ошибок немало. Удачи в освоении языка! (Irina Mamontova)

Автор в школе не учился)) (Владимир Мицък)

Про земное притяжение вспомнили, а про русский язык забыли. (Елена Р.)

С русским языком явно проблемы (Галина Сломчинская)

В тексте полно ошибок, про содержание и говорить не приходится (Ирина Байкова)

Какое образование у автора этой статьи? (Галина М.)

Как можно в таких «умных советах» допускать банальные грамматические ошибки...не грозит ли это слабоумием? (Денис Михайлов)

Учиться «на высшее образование»? У автора оно есть? (Галина Савина)

Но вообще-то – русский язык свели на уровень кухарок «управляющих государством... На Руси всегда красивая речь ценилась очень высоко. (Sama sebe boss)

Лучше научите наших журналистов и телеведущих правильно склонять числительные. Настоящее позорище изо дня в день (Дон Кихот).

Таким образом, сегодня не все пользователи Интернета лояльно относятся к отклонениям от нормы письменного языка, они анализируют написание, указывают на ошибки, исправляют их: *Все-таки – через дефис. Нежелание – слитно. Хотелось бы побольше грамотно написанных статей (Елена Глухова); Читать «прЕвыкнутъ» действительно трудно (Валентина ХХХ); Ну не прЕвыкай! А лучше школу закончи сначала. (Lyudmila Vazhena); И за орфографией неплохо было бы проследить, в частности, за частице НЕ (Marianna Ivanova).*

В то же время встречаются и осуждения негодующих на ошибки: *Что вы накинулись на грамотность, девченка просто показала нам всем, что сейчас в сочи! (Надин).* При этом следует отметить языковую компетенцию осуждающего пользователя.

Наблюдаемые явления с очевидностью демонстрируют, что в Интернет-текстах, как особой разновидности письменно-устной речи современников, доминирует отсутствие дифференциации в написании частиц и наречий. При этом на долю частиц приходится 81,2 % от всех нарушений.

Описанные примеры наиболее частотных отклонений от нормы позволяют предположить, что данные единицы являются наиболее слабыми, подвижными элементами системы письменного языка. Следовательно, изменений следует ожидать именно в этой области.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, возможность сравнить состояние современных письменных спонтанных текстов с рукописными текстами прошедших веков, что позволит увидеть динамику изменений письменного языка на протяжении длительного времени.

Для анализа мы использовали рукописные тексты XVIII-XIX вв., ранее не привлекавшиеся для исследования, разных жанров, тематики, территории и времени создания из собрания рукописей Российской государственной библиотеки (г.Москва), из Отдела Рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), из Собрания рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (г.Томск), из фондов Государственного архива Алтайского края (г.Барнаул). Примеры взяты из официально-деловых рукописных текстов, из старообрядческих сборников различного содержания. Следует объяснить наш интерес именно к данным текстам.

Как известно, в XVIII – XIX вв. активно шел процесс сознательной кодификации норм русского языка. Но нормативные установки не сразу отражаются в реальной письменности. Литературный язык не сразу приобрел единство лингвистических норм, продолжают сосуществовать относительно замкнутые языковые регистры. Именно рукописные тексты данного периода непосредственно отражают процессы, происходящие в письменном узусе.

Официально-деловые тексты XVIII – XIX вв. представляют интерес потому, что должны были создаваться по определенным стандартам, в частности, они должны были ориентироваться на письменные нормы московского канцелярского языка. Но, тем не менее, в них проникали неосознанно местные вариативные элементы, а также индивидуальные написания, в зависимости от речевой компетенции авторов. В этом плане особый интерес представляют судебные дела, в которых канцелярист должен был передать как можно точнее речь подсудимого.

Особый письменный узус составляли старообрядческие тексты. Старообрядцы чутко ощущали автономию письменного узуса, ревностно следили, чтобы в

письменные тексты не проникали разговорные элементы. Их отличала концепция ревностного сохранения «древлеправославного благочестия» и изоляции от «инаковерующих». Но реалии жизни вынуждали старообрядцев создавать свое, особое, «конфессиональное общество», формировать свою догматическую систему, т.е. продолжать развивать древнерусские православные традиции в реальных условиях нового времени, в изменяющихся социальных обстоятельствах. Поэтому старообрядческие тексты, создававшиеся на основе традиционного опыта, представляют собой особый, уникальный путь, отличающий их и от текстов кодифицированного языка, и от текстов «официального» религиозного дискурса [2]. Сравнительный анализ разных по времени и территории создания списков одного текста позволил выявить доминирующую норму письменного узуса, устойчивые элементы и наиболее подвижные звенья системы. Старообрядцы имели представление о маркированных признаках книжности, которые необходимо было использовать. К таким признакам относились, например, простые претериты, формы *dualia tantum* и т.д. [3]. Наше внимание сейчас будет сосредоточено не на обязательных знаках книжности, ревностно охраняемых, а на допустимых вариативных элементах, не противоречащих коммуникативной задаче авторов, а потому, легко проникающих в письменные тексты.

Приведем примеры наиболее типичных случаев использования вариативных средств в рукописных текстах конца XVIII – XIX вв.:

Рапорт 1786 года:

Рапорт крепости устькаменогорской

*Подуховному регламенту ... **непроявляютьли** кто кпочитанию...**непроявляютьсяли** где какие...**нехотятъ** соединится...**втехъ** деревняхъ...**ктому** случаю въ 783 году...**никому** **изнихъ**...**несклоняются**, **аколиш** паче **внынешнемъ** 786 году... [д. 1198, л. 29].*

Судебное дело 1796 года:

*Привоинском суде... асъсесоры слушали дело... **прилоктевском** заводе **уотставного** бергаіера василия литвинова...**денегъ ивещей** свыше дватцати рублей...**литвинова** жена **даря** семенова дочь объявила что **вотлучку** мужа...**нарыбную** ловлю...на 21е число...спала **вызбЪ**...неизвестно кемъ **уворотъ** выломлена подворотня и **изхлава** пристроенного **кзадней** стенЪ горнице и **сподвала подполомъ** покрадено яцикъ деревяной окованной железом **здвумя** замками ценное **вдва** рубли тридцать пять копЪекъ **въ немъ** денегъ девяносто рублейъ, лента золотая **въ четыре** рубли...[д. 1, л. 53об.].*

Сборник старообрядческий конца XVIII в. из рукописного собрания Российской государственной библиотеки:

*Сице невѣмъ азъ како и откуда праизыде **нанасъ** бѣдствующих...**идругъ надруга** воставшимъ...**вовремя** состоявагося **внасъ** мира, **тоестъ всуботу** или **вндлю**, **внюжъ** чтется притча **омытари** и **фарисеи**...**внем** же просиль...**впоморію** ехатъ **исамоличнѣ**...[, л.2-3об.].*

Сборник старообрядческий начала XIX века из собрания Российской национальной библиотеки:

*...**непрімаху** и **неслушаху**...его ивана андреянова **заистиннаго** законодавца...**иннѣ** прельщенныя странники, **посотворенію** **наизданного** своего устава...**посовѣсти** **ипожеланію** нашему. и прочая...*

*...и **неразсмотрѣть** любопытно что есть изложенное, **исогласноли** **вовсемъ** стому писаніе (ю)...**А непротивноли** древлеоческому содержаніе (ю)... [, л.116-117].*

Сборник старообрядческий историко-полемического характера конца XIX века собрания рукописей научной библиотеки Томского государственного университета:

*Яко млнцъ онъ противу меня **несмыслить**. ая противъ васъ науки **невидываль**...хоша ты **имало** знаешь да много **лишново** говоришь...**ащели** **непоидѣшь** то **всалдаты** отдадимъ...**носего** закону **небывало**. что бы два брата служили, **нобратъ забрата** служити...Что дружок **неодумался** ли ты...**аомнѣ** **непомыщляете** что бы азъ склонился **квашей** цркви [, л. 132-133].*

Приведенные примеры показывают, что во всех текстах, независимо от тематики, конфессиональной принадлежности, содержания, территории создания и времени допустимыми вариативными средствами являлись слитное/раздельное написание предлогов с разными частями речи, слитное/раздельное написание союзов, частиц. Доминирующим оказалось смешение слитного/раздельного написания предлогов со словами. Поэтому сознательная кодификация литературного языка происходила именно в этом плане.

В системе письменного языка можно выделить наиболее устойчивые элементы и наиболее подвижные, прежде всего подверженные изменению. Условно их можно назвать сильными и слабыми. Сильные элементы системы изменяются очень медленно, в отличие от слабых. Реальная манифестация письменной речи позволяет выявить не только языковую компетенцию носителей русского языка, актуальное состояние речевой практики, но и тенденции развития языка.

Авторы Интернет-текстов стремятся не только выразить собственное мнение по актуальным для себя темам, но и к взаимопониманию, к продуктивной коммуникации, поэтому неизбежно обращаются к общепринятой норме языка. Письменная речь, как сложная, намеренная деятельность, вынуждает пишущего осознанно использовать языковые средства, чтобы реализовать коммуникативные намерения.

Таким образом, проводимое в настоящее время исследование позволяет, пока гипотетически, предположить, что неизбежные изменения коснутся, прежде всего, самых слабых элементов системы. Проблема определения их характера и направления может составить предмет дальнейшего исследования.

Не вызывает сомнений, что требуется дальнейшее всестороннее изучение современного письменного узуса. Несомненной перспективой дальнейшего исследования видится изучение того, как организация языковой формы влияет на когнитивные структуры и аналитические способности носителей языка.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. – СПб.: Питер, 2017. – 432 с.
2. Нагорный И.А. Русские частицы как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2018. – №4. – С.25-34.
3. Нагорная С.Ю. Этноязыковой традиционный дискурс в свете стратегий развития национального литературного языка// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 6, № 12 (83). – 2010. – С.35 – 44.
4. Нагорная С.Ю. Грамматические вариации сочинений старообрядцев и синкретичность ценностных императивов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – № 7 (256). – 2017. – Выпуск 33. – С.10-18.
5. Барнаульское духовное правление Томской духовной консистории (1750-1915 гг.) // Государственный архив Алтайского края, фонд 26, оп.1, дело №1198.
6. Комиссия военного суда Алтайского горного правления (1780- 1868 гг.) // Государственный архив Алтайского края, ф.24, опись 1, дело №1.
7. Ответы архангелогородских староверцов. XVIII в. // Российская государственная библиотека, собрание Ундольского, ф.310, № 510.
8. Мнози убо ннѣ осемь имени... Нач. XIX в. // Российская национальная библиотека, собр. ОСПК, №Q. I. 1229. – 564 л.
9. Сборник старообрядческий историко-полемического характера, конец XIX в. // Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, №В-5515.- 146 л.

УДК 811

**Повтор компаративов в поэзии С.М. Городецкого
как средство выражения эстетических установок акмеизма: морфемная
характеристика**

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания
русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет
РФ, г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

**Repetition of comparatives in S.M. Gorodetsky's poetry as a means of
expressing the aesthetic attitudes of acmeism: morphemic characteristics**

Tverdokhleba Olga Gennadjevna

CandSci (Philology), assistant Professor of the Department of Russian language and
methodology of teaching Russian language, Orenburg State Teacher Training University
Russia, Orenburg

Аннотация. Статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем номере журнала, и посвящена анализу морфемного состава компаративов, повторы которых используются поэтом-акмеистом С.М. Городецким в качестве одного из важных изобразительных средств. Показано, что в поэтическом языке С.М. Городецкого повторы компаративов с разной морфемной структурой формируют идиостиль поэта и, отражая индивидуально-авторское понимание окружающего мира, соотносятся с эстетическими задачами акмеизма. Выявлена различная востребованность повторяющихся компаративных дериватов с разным морфемным составом. На большом иллюстративном материале показано, что С.М. Городецкий при сравнении художественных образов С.М. Городецкий чаще вводит в свои поэтические морфемные повторы разговорные варианты компаративов, образованные при помощи суффикса *-ей* и непродуктивного суффикса *-е*, а также яркие просторечные дериваты, что объясняется программными требованиями обращения к стихии живого языка. В выводах указано, что морфемное разнообразие повторов компаративов в поэтических текстах С.М. Городецкого способствует выполнению программных заявлений изображать в создаваемых поэтом-акмеистом художественных строках «жизнь во всем ее многообразии». Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество С.М. Городецкого. Полученные результаты могут быть использованы и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: идиостиль, С.М. Городецкий, сравнение, компаративы, акмеизм, морфологический повтор.

Abstract. The article is a continuation of the research published in the previous issue of the journal, and is devoted to the analysis of the morphemic composition of comparatives, the repetitions of which are used by the acmeist poet S.M. Gorodetsky as one of the important visual means. It is shown that in the poetic language of S.M. Gorodetsky, repetitions of comparatives with different morphemic structures form the poet's idiostyle and, reflecting the author's individual understanding of the surrounding world, directly correlate with the aesthetic tasks of acmeism. The different demand for repeated

comparative derivatives with different morphemic composition is revealed. The large illustrative material shows that S.M. Gorodetsky, when comparing artistic images, S.M. Gorodetsky more often introduces colloquial variants of comparatives formed with the help of the suffix -e and the unproductive suffix -e, as well as bright colloquial derivatives, which is explained by the program requirements of addressing the elements of a living language. The conclusions indicate that the morphemic variety of repetitions of comparatives in the poetic texts of S.M. Gorodetsky contributes to the implementation of program statements to depict in the artistic lines created by the poet-acmeist "life in all its diversity". The results obtained in the work may be interesting for literary critics who study the work of S.M. Gorodetsky. The results obtained can also be used in the practice of compiling a poet's dictionary.

Keywords: idiostyle, S.M. Gorodetsky, comparison, comparatives, acmeism, morphological repetition.

I. Данная статья является продолжением нашего исследования, посвященного описанию лексического состава, доминантных лексем и частеречной принадлежности повторяющихся поэтических компаративов С.М. Городецкого, в соответствии с его программным заявлением о «бесповоротном приятии» мира «во всей совокупности красот и безобразий» [1, с. 205] и опубликованного в предыдущем номере журнала [11]. Цель новой публикации – классифицировать приемы и примеры выразительности морфемного уровня компаративов, повторы которых используются поэтом-акмеистом в качестве одного из важных изобразительных средств для выражения своих эстетических представлений.

II. Анализ выявленных нами в НКРЯ [9] поэтических контекстов с художественно значимыми повторами компаративной семантики показал, что формы сравнительной степени в поэзии С.М. Городецкого образованы в первую очередь суффиксацией, реже префиксацией и лишь единично супплетивизмом.

1. М.Ю. Лотман указывал, что «стихотворение — сложно построенный смысл», где «семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре» [8, с. 88], и следовательно, в структуре поэтического текста повторенный автором аффикс несет на себе определенную смысловую нагрузку. Морфемные повторы компаративных дериватов в поэзии С.М. Городецкого, акцентируя внимание читателей на словоформах с повторяющейся морфемой, способствуют «точечному отграниченному зрительному выделению» слов сравнительной семантики в «сложной и пестрой совокупности знаков текстового пространства» [5, с. 90], и поэтому, отражая индивидуально-авторское понимание окружающего мира, формируют идиостиль поэта. Морфемная структура сопрягается с формальной (звуковой) реализацией, а также парадигматикой (разных морфемных вариантов) и синтагматикой, что обогащает семантический объем компаративов.

Разносторонность указанных связей компаративов обуславливает то, что а) содержательно компаративы зависят не только от семантики корневой морфемы, но и б) в плане выражения – от их морфемной реализации, синтаксической функции и синтагматических отношений.

2. Количественный анализ суффиксальных вариантов компаративов, повторяемых в пределах одного стихотворного произведения, показал, что С.М. Городецкий для усиления понятия, выраженного аффиксальной морфемой, в своем творчестве использует повторяющиеся компаративные дериваты со всеми известными современной грамматике суффиксами *-ее*, *-ей*, *-е* и *-ше*. Однако поэт-акмеист при образовании повторов компаративов отдает предпочтение:

• либо вариантным формам, образованным при помощи суффикса *-ей*, (чаще всего; 48 случая, 35%), хоть и продуктивным, но употребляющимся главным образом в разговорной речи и в поэзии [10, § 1343]: *быстрей, зеленей, злей, понятнее, сильнее, суеверней, ясней* и др., ср.:

Ленивей летняя вода,

И дерева *сонливей*.

[С. М. Городецкий. «Ленивей летняя вода...» [Полуденные песни, 3] (1912)]

• либо образованным при помощи непродуктивного суффикса *-е*: (43 случая, 31%): *ближе, богаче, больше, выше, ниже, моложе, ярче* и др., ср.:

И время

Лишь *выше* подняло стволы седые,

Лишь *ближе* молодой сосняк

Согнало к белому оврагу,

[С. М. Городецкий. Детство [Воля, 2] (1907с)]

Реже повторяются компаративы, образованные с помощью наиболее продуктивного в русском литературном языке суффикса сравнительной степени прилагательных *-ее* (всего 27 случаев, что составляет 20% от всех выявленных нами компаративов, введенных поэтом в повторы): *алее, милее, острее, смелее, темнее* и др.

Доминирование компаративных суффиксальных дериватов на *-ей* и *-е* объясняется программными принципами акмеизма, провозгласившего культ реального земного бытия – осязаемого, видимого, слышимого – и отказавшегося от революционного преобразования стихотворной техники, а потому С.М. Городецкий

как поэт-акмеист, стремясь в изображении стихии «естества» к гармоничному использованию повседневного языка, чаще вводит в свой поэтический текст для передачи первозданных эмоций разговорные варианты компаративов.

Эти же установки, предполагающие обращение к стихии живого языка – речи, обуславливают поэтизацию чувств «первозданного человека» с помощью ярких просторечных дериватов, ср. «реальные», «земные» примеры с повторяющимися компаративами *боле*, *доле*, *лише* (а также с двумя префиксальными дериватами: *помене*, *поболе*, речь о которых будет идти дальше), формы которых на -е хоть и не допустимы в литературной речи, но, несомненно, обладают способностью усиливать экспрессивность создаваемого поэтом текста, ср.:

Думал: люди не стонут уж **боле!**

Эх, ты, старый мой, глупый мой Вий!

Дай-ка веки *покрепче* прихлопну!

Лише наше житье всех житий!

[С. М. Городецкий. «Из-за тридевяты буйных веков...» | Вий (1911)]

Выразительные повторы компаративов с одинаковым суффиксом способствуют созданию «искусства точно вымеренных и взвешенных слов» [2, с. 31], с особенно существенными для художника-акмеиста «точно вымеренной композицией» [Там же] и «графичностью в сочетании слов» (за счет выразительного звукового повтора), а также с «графической четкостью» [Там же] поэтического сравнения.

3. В поэтические тексты С.М. Городецкого суффиксальные дериваты на -ше гораздо реже включены в повторы (всего 8 случаев), что легко объяснить немногочисленностью таких форм сравнительной степени в современном русском литературном языке.

Интересно, что в нашей картотеке представлено 7 контекстов с одной и той же словоформой *дальше*, причем только в одном контексте она включена в морфологический повтор с другими компаративами (*гуще*, *больше*), ср.:

Дальше да *гуще*, да **больше** покос.

[С. М. Городецкий. Касьян (1907)],

а в трех других случаях – в тождественный лексический повтор:

– **Дальше, дальше!** Вянет день.

[С. М. Городецкий. «Ветер, в стекла не звени...» [Разлука, 1] (1906.09.19)]

Дальше – о, **дальше!**

[С. М. Городецкий. «В сумерках дня, но не в сумерках духа...» [Пытая жизнь, 2]
(1912)]

Уплывайте, уплывайте, **дальше, дальше**, облака,

[С. М. Городецкий. Море [Тюремные, 13] (1907.08.27)]

Еще один дериват на *-ше* представлен только префиксальной формой *постарше* (об этом см. далее).

4. При анализе фактического материала было установлено, что в пределы одного стихотворного текста поэт может включать художественно значимые повторы (за счет выделения, подчеркивания осязаемо конкретных сравниваемых деталей изображаемого лица, предмета, пейзажа) форм сравнительной степени, образованных:

а) одним и тем суффиксом (примеры см. выше);

б) с разными суффиксальными вариациями (чаще), смена которых придает особую многоплановость и динамичность художественному тексту, ср., напр.:

- повторы адъективных компаративов, образованных двумя суффиксами *-е* и *-ей*:

Ленивей летняя вода,

И деревья **сонливей**.

А в сердце алая руда

И **жарче** и **гневливей**.

[С. М. Городецкий. «Ленивей летняя вода...» [Полуденные песни, 3] (1912)]

- повторы адъективных компаративов, образованных двумя суффиксами *-е*, *-ше*:

Дальше да **гуще**, да **больше** покос.

Месяц неведомо сколько унес.

[С. М. Городецкий. Лик Смутляны [Осенняя вихрь, 8] (1907)]

- повторы адъективных компаративов, образованных тремя разными суффиксами *-ее*, *-ей* и *-е*:

Краснее их лица

И **спутанней** волос,

Но **звонче** их голос:

[С. М. Городецкий. Славят Ярилу (1905.07.16)]

Отметим также контекст, где на одной строке соединены контактно сразу две варианты формы сравнительной степени одного и того же наречия (*веселей*, *веселее*), но с разными суффиксами *-ее* и *-ей*, смена которых придает альтернативную характеристику повторяемого признаку:

Да за солнцем в неведомой мгле

Веселей, веселее летала!

[С. М. Городецкий. «Из-за тридцать буйных веков...» | Вий (1911)]

5. С.М. Городецкий использует для художественно значимых повторах и формы сравнительной степени с приставкой *по-* (*покрепче*, *поближе*, *постарше*, *помене*, *поболе*), являющиеся общей формой для прилагательных, наречий и предикативов на *-о/-е* [7]. Приставочные компаративы более свойственны речи разговорной и означают несколько большую степень качества (*покрепче* ‘несколько крепче’, *поближе* ‘несколько ближе’, *постарше* ‘несколько старше’). Такие субъективно-оценочные дериваты с префиксом *по-* включаются поэтом в повторы трех типов, а именно:

а) в морфологический повтор с другим компартивом без префикса *по-*, ср. дериваты *покрепче* – *лише*; *поближе* – *ниже*:

Дай-ка веки **покрепче** прихлопну!

Лише наше житье всех житий!

[С. М. Городецкий. «Из-за тридцать буйных веков...» | Вий (1911)]

Поэт может создавать и позиционно-морфемный повтор, предполагающий еще и однородность повторяемых синтаксических позиций, напр., в эпифоре, ср.:

Пойди ко мне **поближе**...

Цветистое крыло

Сирень опустит **ниже**:

Для нас ведь зацвело.

[С. М. Городецкий. «Сирень в цвету тяжелом...» | Сирень (1908)]

Отметим особо более яркие в стилистическом плане поэтические сравнения, где творец встраивает в стихотворные строки с полным синтаксическим параллелизмом семантически более сложные морфологические повторы компаративов описанного типа (*постарше, моложе*), находящихся между собой еще и в антонимической связи и, следовательно, использованных для выражения сравнительных отношений, хотя и сближающих поэтические субъекты сравнения по возрасту, однако противоположно отличающиеся друг от друга по своей семантике, ср., в частности, следующие две строки, передающие значение и сходства, и различия:

Молвил той, что **постарше** была. ...

Молвил той, что **моложе** была.

[С. М. Городецкий. «Древеницы в лесу заплетали...» | Древеницы (1906.06.19)]

б) в морфологический повтор с другим компартивом, но тоже с префиксом *по-*. Ср. усиленную изобразительность стихотворных строк, где обе компаративные лексемы (*помене – поболе*) со «смягчительно-ограничительной» семантикой [6, с. 198], также имея антонимический характер, использованы для выражения полного охвата по проявляющемуся в невысокой степени признаку (размер, возраст) у сравниваемых персонажей:

Роятся ребята, ...

Помене, поболе

[С. М. Городецкий. «В горенке малой...» | Рожество Ярилы (1905.06.20)]

в) в точный лексический повтор с тем же самым компартивом с префиксом *по-*, вносящим оттенок смягченности, ср. стилеобразующую функцию лексического повтора в поэтических строках С.М. Городецкого, где префиксальный дериват (*подальше*), дважды эпифорически повторенный (в конце двух начальных строк двух смежных строф; вместе с анафорическим одним и тем же местоименным наречием

там), выполняет сразу несколько функций: а) эмоционально выделяет начальные строки строф, повышая силу их воздействия на адресата; б) выполняя строевую роль (ритмическая, фонетическая функции), звучит своеобразным рефреном; в) создавая эффект чередующихся событий, проносит через строфы устойчивый символический образ незначительности преобладания пространственного сравнения:

– Там **подальше**

Бродит племя

Со стадами

За рекой?

– Там **подальше**

Воет ветер

Над лугами

Горевой.

[С. М. Городецкий. «В белой рубахе...» | Встреча Ярилы с Перуном (1907)]

6. Единичны у С.М. Городецкого повторы форм сравнительной степени, образованных от другого корня. Мы обнаружили в повторах только две супплетивные формы: *лучше* (от *хороший* – 2 контекста) и *меньше* (от *малый* – 1 случай), введенные поэтом в поэтические контексты с очень яркой, достаточно насыщенной сравнительной семантикой.

Отметим намеренное стяжение повторов в строках, где, кроме повтора компаративов (*лучше*, *милее*), находим еще и отождествление субъекта (репрезентированного именной лексемой *одежда* в форме единственного числа) сравнения с эталоном сравнения (репрезентированного той же именной лексемой *одежда*, но в форме множественного числа), разные количественные состояния которых сопоставляются в компаративе (*лучше*), ср.:

И бог сказал земле: «Одень

Одежду **лучше** всех одежд,

Милее девичьих надежд».

[С. М. Городецкий. Стихи о святой любви (1907)]

В других поэтических строках, кроме повтора компаративов (*меньше*, *гуще*, *ниже*), творцом введено еще и сопоставление исходной формы прилагательного (в положительной степени: *малый*, репрезентирующей количественный признак

изображаемого персонажа вне сравнения по степени его проявления) с компаративной формой однокоренного наречия (*меньше* от *мало*, являющего грамматическим омонимом родственного адъективного компаратива *меньше* от *малый*), что экспрессивно усиливает «количественное движение» [4, с. 58] количественного признака, ср.:

Сделал **меньше** малый терем,
Сумрак **гуце, ниже** свод.

[С. М. Городецкий. Марево [Тюремные, 11] (1907.08.26)]

Поэт может в рамках одной поэтической строфы, усиливая художественное поле сравнения, использовать сразу несколько языковых средств: 1) повтор двух компаративов (*лучше, смышленей*), один из которых образуется супплетивным путем; 2) сравнительный оборот, введенный при помощи союза *как* (*как друзья*); 3) сопоставление двух форм одного и того же имени прилагательного сначала в исходной форме положительной степени (следовательно, безотносительно к его проявлению в других предметах – *смышленная*), а затем в сравнительной степени (*смышленей*), расположенных в одной и той же позиции предиката при подлежащих, выраженных личными местоимениями 1-го и 2-го лица единственного числа (*я, ты*) и указывающих на противопоставление лирического героя и его поэтического адресата (в двусоставных предложениях, соединенных противительным союзом *а* в сложносочиненном предложении), ср.:

Уж **лучше** мы, Смеретушка,
Да будем как друзья!
На что уж ты смышленная,
А всё **смышленей** я.

[С. М. Городецкий. «Тоска моя, Смеретушка...» | Смеретушка (1907)]

Таким образом, в поэтическом языке С.М. Городецкого повторы компаративов с разной морфемной структурой, служащие для «экспрессивного выделения, подчеркивания, фиксации внимания» [3, с. 126] и формирующие идиостиль поэта, отражают индивидуально-авторское понимание окружающего мира и напрямую соотносятся с эстетическими задачами акмеизма.

Повторяющиеся компаративные дериваты образованы в первую очередь суффиксацией (при помощи суффиксов *-ее*, *-ей*, *-е* и *-ше*), реже префиксацией (*по-*) и лишь единично супплетивизмом. При сравнении художественных образов С.М.

Городецкий чаще вводит в свои поэтические морфемные повторы разговорные варианты компаративов, образованные при помощи суффикса *-ей* и непродуктивного суффикса *-е*, а также яркие просторечные дериваты, что объясняется программными принципами акмеизма, провозгласившего культ реального земного бытия, отказ от революционного преобразования стихотворной техники и обращение к стихии живого языка. В пределы одного стихотворного текста поэт может включать художественно значимые повторы форм сравнительной степени, образованных как одним и тем суффиксом, так и разными суффиксальными вариациями (чаще), смена которых придает особую многоплановость и динамичность художественному тексту. Субъективно-оценочные дериваты с префиксом *по-* включаются поэтом в морфологический повтор с другими компартивами без префикса либо с префиксом *по-*, а также в точный лексический повтор с тем же самым компартивом с префиксом *по-*. Единичные у С.М. Городецкого повторы супплетивных форм компаративов характеризуются намеренным стяжением нескольких языковых средств, усиливающих художественное поле сравнения.

Следовательно, морфемное разнообразие повторов компаративов в поэтических текстах С.М. Городецкого способствует выполнению программных заявлений изображать в создаваемых поэтом-акмеистом художественных строках «жизнь во всем ее многообразии».

Список литературы

1. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т. А. Бек. – М.: Московский рабочий, 1997. – С. 202-207.
2. Жирмунский, В.М. Преодолевшие символизм [Электронный ресурс] // Русская мысль. – М. – 1916. – № 12. – С. 25-56. – Режим доступа: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39 (дата обращения: 09.06.2021).
3. Иванчикова Е.А. Развитие синтаксиса современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – 999 с.
4. Карабань И.А. Значение форм степеней сравнения и исходная форма прилагательного // Филологические науки. – 1969. - №4. – С. 55-66.
5. Карпухина Т.П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. – Хабаровск: ДВГГУ, 2006. – 392 с.
6. Князев Ю.П. Префиксальный компаратив в современном русском языке: синтаксис и семантика // Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: к 55-летию преподавания русского языка в Испании». Доклады и сообщения. Т. 1. – Гранада, 2010. – С. 130-135.

7. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
8. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа [сборник]. – М.: Гнозис, 1994. – 547 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).
10. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). В двух томах. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 789 с. Т. 2: Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
11. Твердохлеб О.Г. Повтор компаративов в поэзии С.М. Городецкого как средство выражения эстетических установок акмеизма (1: лексический состав, доминантные лексемы, частеречная принадлежность) [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 06 (74). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/povtor-komparativov-v-poezii-sm-gorodetskogo-kak-sredstvo-vyrazheniya-esteticheskikh-ustanovok-akmeizma-1-leksicheskij-sostav-dominantnye-leksemy-chasterechnaya-prinadlezhnost.htm> (Дата обращения: 08.07.2021)

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81-114.4

Метаязыковая рефлексия о новейших англоязычных заимствованиях, ее содержание и формы проявления

Кузнецова Мария Сергеевна

магистр кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии
Уральский федеральный университет, РФ, г. Екатеринбург
maria_kusnezowa@inbox.ru

Manifestations and contents of metalinguistic reflection about most recent borrowings from the English language

Kuznetsova Maria Sergeevna

master student of Fundamental and applied linguistics and textual studies department
Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg

Аннотация. Данная статья посвящена феномену метаязыковой рефлексии. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить основные черты, специфику рефлексивных высказываний о новейших англоязычных заимствованиях и о процессе заимствования иноязычной лексики современным русским языком. С помощью методов компьютерной лингвистики автором составлен корпус высказываний, содержащих элементы метаязыковой рефлексии о современных англицизмах. Отобранные для исследования англицизмы представляют собой особую группу лексико-семантических инноваций, еще не получившую должного освещения в научных работах. Высказывания из полученного корпуса контекстов подвергаются количественному и качественному анализу; в работе обсуждаются формы проявления рефлексии, оценочная окраска и общая тональность рефлексивов. Результаты анализа показывают, что наиболее часто встречающейся формой рефлексии об англицизмах является выражение личного мнения, сопровождаемое аргументацией в том или ином виде. Преобладают нейтрально окрашенные рефлексивы, однако нередки случаи совмещения рефлексии и вербальной агрессии по отношению к тем, кто активно использует англицизмы в своей речи.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метаязыковая деятельность, заимствования, англицизмы, обыденное сознание

Abstract. This paper is concerned with the phenomenon of metalinguistic reflection. The research goal is to determine main and specific features of reflective utterances about most recent English language borrowings and about the process of foreign lexis borrowing by the modern Russian language. With the aid of computational linguistics methodology the author of the paper has collected a corpus of contexts that contain features of metalinguistic reflection about modern anglicisms. Given contexts are examined quantitatively and qualitatively. The anglicisms chosen for this research constitute a group of lexical and semantic innovations that has not yet received due attention in the past studies. The article discusses manifestations of reflection, evaluative meanings and general tonality of reflective utterances. Results of analysis show that the most frequent form of reflection is expression of personal opinion accompanied by reasoning. Reflective utterances without any emotional

charge prevail, though cases of additional verbal aggression towards people who actively use anglicisms are not rare.

Key words: metalinguistic reflection, metalinguistic activity, borrowings, anglicisms, everyday consciousness

На современном этапе развития лингвистики особое внимание уделяется носителю языка, его языковому сознанию, поэтому исследование метаязыковой рефлексии и ее проявлений становится одним из актуальных направлений лингвистической науки. Метаязыковая деятельность – обязательный компонент языковой способности; она присуща всем носителям языка без исключения, различия можно наблюдать лишь в объеме и качестве метаязыковых высказываний [1]. По определению Т. В. Шмелевой, *метаязыковая рефлексия* – это «тип речевого поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т. е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотнесение своих оценок с другими, нормой, узусом» (цит. по: [2, с. 59]).

В настоящей статье представлены результаты анализа корпуса высказываний, содержащих элементы метаязыковой рефлексии о современных англоязычных заимствованиях. Группа заимствований ограничена лексикой, характеризующей эмоциональные переживания и межличностные отношения (*абьюз, буллы, газлайтинг, виктим-блейминг, шеймер* и мн. др.). Такой объект выбран неслучайно: заимствование лексики, в частности единиц, отражающих свойственное интернет-эпохе восприятие чувствительности и уязвимости, межличностных и межгрупповых отношений, является одним из активных процессов в современном русском языке. Контексты корпуса проанализированы с точки зрения содержания, средств и способов выражения рефлексии, ее общей тональности.

Прежде чем перейти к описанию результатов анализа, скажем несколько слов о метаязыковом сознании. Под метаязыковым сознанием понимается совокупность знаний и представлений о языке, его структуре и функциях его структурных элементов, о языковой норме, эксплицированная в высказываниях для интерпретации фактов языка [3, с. 41]. В более динамичном понимании метаязыковое сознание представляет собой постепенный перенос внимания со значения на структуру во время деятельности, требующей сознательного контроля языковых форм; это способность «децентрализовать», переместить фокус с наиболее заметных компонентов сообщения – смысла и контекста – на структуру, оформляющую смысл, или на структуру дискурса коммуникации. Тем не менее, метаязыковое сознание не подразумевает непременно намеренного действия, хотя в такой форме оно становится наиболее заметным [6, с. 18]. Не подразумевает оно и непременно

осознавания языковых законов: на более низких уровнях осознанности, когда носитель языка может замечать, но не осмыслять какие-либо закономерности и факты, результирующие знания (без намеренного изучения) не всегда обобщаются в правила [7].

Общественное метаязыковое сознание существует на двух уровнях: теоретическое сознание (систематизированные научные знания) и обыденное сознание (эмпирические представления, донаучный взгляд на язык). Хотя обыденные метаязыковые знания носителя языка пополняются сведениями из школьной программы, в рамках средне-специального и высшего (нелингвистического) образования и т. д., они так и не приобретают системного характера [3, с. 42]. Обыденному метаязыковому мышлению по-прежнему свойственны средневековые наивность и мифологичность, оно не критично, пристрастно и эмоционально.

Н. Б. Лебедева выделяет следующие черты обыденного метаязыкового сознания [4, с. 50–51]:

- 1) орудийный подход к языку (язык воспринимается как полностью послушный говорящему);
- 2) неприятие самоизменения языка (саморазвитие рассматривается как порча языка малограмотными людьми);
- 3) антиисторизм, смешение слов и значений разных эпох;
- 4) литературоцентризм (отождествление всего языка с литературной нормой, противопоставление «правильного – неправильного», экспансия канцелярского стиля и т. д.);
- 5) слабое осознание многозначности слов;
- 6) наивная этимология;
- 7) канонизация отдельных лингвистических явлений и разделов в ущерб другим (орфографическая и пунктуационная грамотность, следование акцентологическим нормам отождествляются с владением языком).

См. следующие примеры: *За те 15 лет, что я живу за границей, русский язык очень сильно изменился, стал корявым, наполненным англицизмами, канцеляризмами, мат-перемат с центральных ТВ-каналов, мат на улице, мат везде, это удручает.; Загрязняете русский язык англицизмами. Для описанного Вами состояния есть прекрасное русское слово «озарение» и подобные.*

В то же время обыденное сознание живо и непосредственно взаимодействует с миром – в связи с этим ему приписывается подлинность, достоверность живого, искреннего переживания [3, с. 92].

Контексты нашего корпуса представляют собой проявления деятельности именно обыденного метаязыкового сознания. Основным источником контекстов послужил сектор «Социальные сети» открытого корпуса для машинного обучения «Тайга» [8], включающий тексты из социальных сетей ВКонтакте, Twitter, Facebook и Live Journal. Поиск по корпусу осуществлялся с помощью алгоритма, написанного на языке программирования R [9] в среде программирования RStudio [10] с использованием функций из пакетов tidyverse [11] и tidytext [12]. Для выполнения поисковой задачи текстовые файлы корпуса были преобразованы в датасеты, хранящиеся в виде файлов формата .Rda и включающие две переменные: имя исходного текстового файла и извлекаемая из него текстовая строка. Для дальнейшего поиска в сформированных таким образом датасетах использовалась функция `str_view_all()`. Поиск в тексте велся по ключевым словам из фокусной группы лексики (*аддикт, блейминг, бодипозитив* и пр.), а также по ключевым словам *англицизмы, новые слова, заимствования*. Поисковые запросы были составлены с помощью регулярных выражений языка R, что позволяет учесть вариативность неустоявшейся графической формы искомых слов, позицию слова в предложении (заглавная или строчная начальная буква), словообразование и словоизменение (что особенно важно, поскольку для поиска использовались неразмеченные тексты). Из полученных контекстов вручную отбирались те, которые содержали элементы метаязыковой рефлексии относительно ключевых слов или относительно процесса заимствования в целом. Дополнительно для сбора контекстов использовался Национальный корпус русского языка, посты и комментарии пользователей в сообществах социальных сетей «ВКонтакте» и «Инстаграм».

Анализ тональности рефлексивных контекстов позволяет в общих чертах представить отношение носителей русского языка к заимствованным словам, к их обилию в современном русском языке и к процессу заимствования в целом.

Мы выделили четыре вида качественной оценки, содержащейся в рефлексивных контекстах: отрицательная, неодобрительная, нейтральная, положительная. Неодобрительная оценка отличается от отрицательной более мягкой формой: пишущий может сообщать о том, что ему не нравятся конкретные слова, но в целом к заимствованиям он относится нейтрально; такие высказывания могут иметь оттенок пренебрежения, иронии, содержать неприятные ассоциации пишущего с

объектом рефлексии и т. д. Ср.: *бегите, сейчас либо яро поддержат, либо кинут в вас этими модными словечками а-ля «слатшейминг»!*; *Если кому-то необходимо обогатить свой словарный запас, не возражаю. Буду знать значение, тоже хорошо. Но в большинстве своем эти неологизмы не живут долго, а «классика» незыблема. Это как модная шмотка на один сезон.* Отрицательная оценка выражается в требованиях полностью запретить заимствования, в агрессивной критике тех, кто использует слово-объект рефлексии и т. д.: *То, что может выражаться словами родного языка, ими и должно выражаться; остальное масдай. Иначе нужно оправдать «няшный», «пофиксить» и весь остальной лексический монстрациум. Нет уж.; Слова – умный и токсик – не сочетаются. Совсем. Что такое токсик???* *Вслушайтесь с это слово – оно исключительно для дебилов.* За нейтральную оценку мы принимаем сообщение сведений о слове, о его значении, рассуждения о его происхождении и судьбе в русском языке без какой-либо ценностной квалификации: *Буллинг, то есть школьная травля, – явление скрытое, тайное.; Абьюз ушел в подростковый сленг по стопам когнитивного диссонанса и гендера. Теперь дело за гештальтом.* Положительная оценка проявляется в рассуждениях о необходимости и эстетических качествах слова: *Это же правда социальная необходимость, я рада, что маятник качнулся и проблема стала освещаться – слово появилось как следствие этого процесса, и можно, конечно, использовать его в стеб, но у него есть вполне утилитарная необходимость и ценность; Захаррастить тоже симпатичное.*

В целом преобладает нейтральная оценка лексики (65 % высказываний корпуса; 6 % высказываний содержат положительную оценку, 20 % – отрицательную, 9 % – неодобрительную). Однако на уровне рефлексии о ситуации с заимствованием иноязычной лексики в современном русском языке более ярко выражена оценка отрицательного (39 %) и неодобрительного характера (17 %). В качестве аргументов «против» пишущие указывают, что:

- с помощью заимствований удобно манипулировать массовым сознанием, т. к. их значение в русском языке неустойчиво;
- заимствований слишком много, они встречаются слишком часто;
- употребление заимствований агрессивно навязывается малочисленными социальными группами;
- заимствованные слова вызывают неприятные ассоциации, звучат глупо;
- без заимствований жилось лучше;

- заимствования чужды русской культуре, т. к. называют понятия, которых в ней не существует;
- заимствования непонятны большинству носителей языка;
- заимствования портят и загрязняют русский язык, его нужно защищать от заимствований;
- в русском языке есть своя лексика, ее достаточно для выражения любой мысли, она лучше заимствованной;
- заимствования недолговечны и несерьезны, их используют для того, чтобы поднять собственный престиж в глазах окружающих;
- этимоны заимствованных слов имеют дополнительные значения и коннотации, непонятные и неизвестные носителям русского языка – к этим смыслам нужно относиться с осторожностью;
- заимствования могут изменить отношение к общественно-опасным явлениям, потому что не имеют негативных коннотаций в русском языке;
- в профессиональных жаргонах заимствованная лексика допустима, но в бытовой речи заимствования неуместны;
- в русском языке иноязычных заимствований много, а в других языках заимствований из русского мало;
- активное лексическое заимствование выгодно внешним врагам;
- заимствование – искусственное изменение языка, язык должен меняться естественно и т. д.

В большей части этого перечня аргументов ярко проявляется наивность обыденного сознания, его мифологичность – литературоцентризм, отрицание языкового развития и желание оградить язык от изменений, антиисторизм. В подобных контекстах процесс заимствования рассматривается с аксиологических позиций, в оппозициях «свой – чужой», «правильный – неправильный». Заимствованные лексемы называют *странными, зловещими, урологическими* (какое-то *урологическое слово прокрастинация*), *убогими, чуждыми*, прибавляют к ним обценные эпитеты.

Больше всего негативных оценок получили слова *абьюз, шейминг, токсичный* и *триггер* и однокоренные им единицы. Слова *харассмент, моббинг* и однокоренные, наоборот, чаще оцениваются положительно.

В положительно окрашенных рефлексивах выдвигаются следующие позиции:

- заимствования помогают освещать социальные проблемы;

- заимствования описывают сложные, объемные понятия, могут быть точны и емки;
- заимствования полезны, для многих из них нет аналогов в русском языке, их нечем заменить;
- новые технологии и явления нуждаются в обозначениях;
- заимствования служат основой для словотворчества;
- от заимствованной лексики невозможно отказаться – в русском языке множество давних заимствований, которые уже не воспринимаются как таковые;
- не стоит обособляться от остального мира;
- заимствования улучшают взаимопонимание между людьми, говорящими на разных языках;
- процесс заимствования и использование заимствованной лексики невозможно ни запретить, ни регламентировать;
- заимствование служит обогащению языка;
- живой язык должен развиваться, консервация ведет к смерти языка;
- происхождение слова не имеет значения, если называемое им явление актуально и т. д.

Аргументы «за» практичны, практико-ориентированы, иногда более объективны и отражают более глубокое понимание процессов языкового развития. Иноязычные слова называют *красивыми, милыми, симпатичными, полезными*.

Отметим еще один важный момент. Помимо отрицательной и порой агрессивной оценки лексических единиц контексты нередко содержат агрессию в отношении оппонента пишущего или всех, кто гипотетически мог бы с ним не согласиться. В исследовании метаязыковой рефлексии И. Т. Вепрева приходит к выводу, «что рефлексивы по линии связи с коммуникацией выступают как маркеры речевого толерантного взаимодействия, речевой координации говорящего и слушающего. Любое коммуникативное взаимодействие речевых партнеров подчинено доминирующей коммуникативной цели – установлению обратной связи и понимания между адресантом и адресатом» [3, с. 93]. К сожалению, на нашем материале это утверждение верно полностью только для нейтральных контекстов, прочие же рефлексивы часто сопровождаются недоброжелательностью, иногда даже вербальной агрессией и враждебностью. Ср.: *че это за слово такое *** «слатшейминг». По-русски написать нельзя? Ты в России живешь; тролли это мифическое существо ты больная?; а как называется патология, когда везде вставляют *** англицизмы?* и пр. Контексты с положительной оценкой также могут

сопровождаться выражением неприязни к оппоненту, но в куда более мягкой форме: *то есть, в стране у нас еще и пропаганда англицизмов есть? Вот эта лол. Что-то мне подсказывает, что подобные вашим умонастроения были, есть и будут.*

Собранные нами рефлексивные контексты оказались очень разнообразны – от кратких комментариев из нескольких слов до пространных рассуждений в виде полноценных текстов. Обратимся теперь к основным формам выражения рефлексии.

Выше уже упоминалось, что многие контексты с ярко выраженной аксиологической позицией в отношении заимствования иноязычной лексики и заимствованных слов помимо оценочных компонентов сопровождаются **аргументацией**.

Некоторые рефлексивы содержат **прогнозы** относительно будущего определенных лексических единиц: *Войдет ли "кьютик" в обиход? Вряд ли. Хотя кто-то попользуется. "Захарассить"? Не уверена. Для этого «харассмент» должен войти в нашу жизнь как понятие. Но оно слишком длинное для обиходного и сложное для запоминания в написании. Модифицируется, тогда возможно. А некоторые – **мотивацию** новых слов, предположения относительно их происхождения, отсылки к этимонам в языке-источнике: *У меня выгорание (burnout) было в конце марта - начале апреля.; ...не знаю насчет слова «захарассить», но с большой вероятностью в русский язык слово «харассить» (хотя чаще «харасить») и многие производные от него впервые вошли не из либерального жаргона (притом уже давно, лет 15 как), и употреблялось оно активнее подростками (просто потому, что их долгое время было в среде активных игроков заметно больше, чем взрослых). Харас в многопользовательских стратегиях реального времени – партизанская атака небольшими силами на базу противника вместо прямой атаки на основную вражескую армию.**

Некоторые авторы рефлексивов проводят **исторические параллели** между ситуацией в современном русском языке и подобными явлениями прошлых столетий: *Когда-то в России была мода на французский (и на немецкий была, но раньше). И все старались вставить модное французское словечко, пусть и с рязанским акцентом. Это можно наблюдать в литературе. До нашего времени дошло не так много. В 90е в обиход пытались всести немало англопроизводных слов. Сколько из них прижилось? А где совсем недавние «няшки» и «кавайки»? Уже почти и не встретишь. Другие авторы рассуждают о тонкостях **значения** новых слов: *Троллинг и оскорбления – по-моему разные вещи. Троллинг – это искушение, провокация и подстрекательство. В отдельных случаях признается **терминологическая****

природа объекта рефлексии: *Где меня триггерит? В чем заключаются триггеры, которые являются раздражителями? Или вы значение термина попросту не знаете и решили его использовать после меня?* Это особенно важно, поскольку значительная часть лексики из рассматриваемой группы попала в язык масс-медиа и социальных сетей из психологической терминологии. По наблюдениям А. М. Плотниковой, «за пределами психологического дискурса используется преимущественно та часть терминов, которые обозначают эмоциональные состояния, связанные с усталостью и уязвимостью человека, а также виды отношений, в которых человек предстает как жертва, как оскорбленный, обиженный другими» [5, с. 51].

В контекстах описываются индивидуальные **ассоциации** с заимствованными словами: *Захарасить сразу заиграло красками. Тут же представился такой командировочный весельчак-балагур, с маленькими пьяными хитрыми глазками, хвастающий о своих планах коллегам, так же сидящим в брюках и майках вокруг гостиничного журнального столика с коньяком, нарезкой и лимончиком.* Еще один немногочисленный, но крайне любопытный тип контекстов – конструирование **абсурдного текста**, состоящего практически полностью из заимствований и транслитераций англоязычных фраз: *Язык отражает состояние общества. Пипл френдам постят селфи, хлещут фреши, баббл ти и инстаграмят на хайпе на масленичную неделю пэнкейки. Триггер как законный психологический термин меньшее из наших проблемс, мэн. Ай спик фром зе боттом оф май харт.*

Графическое выделение кавычками в контексте без прочих признаков рефлексии (ср.: *Получить массу удовольствия, «потроллие» страховую компанию.*) может указывать на двойственное, переходное положение единицы в сознании пишущего. С одной стороны, пишущий находит, что значение данного слова поможет ему воплотить авторский замысел точнее, чем более нормативные единицы. С другой, эта единица еще не воспринимается как «настоящее» слово, как стилистически уместное в конкретной речевой ситуации, и носитель языка демонстрирует это, заключая слово в кавычки, тем самым как бы отстраняясь от своего лексического выбора (что сравнимо с опосредованным выражением языковой информации через особые устойчивые формы – *иначе не скажешь, так называемый, как говорится* и пр., которое также служит дистанцированию говорящего от собственного высказывания [3, с. 73]).

Таким образом, с содержательной точки зрения контексты-рефлексивы крайне многообразны – от графического выделения до языковой игры – и охватывают различные стороны бытования слова в языке и культуре. Наиболее частое проявление

рефлексии – высказывание о личном отношении к заимствованию, подкрепленное аргументацией. Аргументация затрагивает самые разные аспекты: полезность, эстетические качества, аксиологическую оценку, личные ассоциации, степень адаптированности заимствования и пр. Анализ тональности контекстов показывает, что большинство активных пользователей социальных сетей относятся к англицизмам и процессу заимствования нейтрально. Среди негативных тенденций отмечаются многочисленные случаи совмещения рефлексии и вербальной агрессии по отношению к оппоненту.

Рефлексивы отражают ценности носителей языка и колеблются от наивных и радикально-пуристских высказываний до рассуждений и предположений, подтверждающих тезис об обыденном метаязыковом сознании: «Иногда неискушенные носители языка поражают точностью своих метаязыковых комментариев – настолько, что “стихийная лингвистика” оказывается чрезвычайно близка “научной лингвистике”» (цит. по: [3, с. 43]).

Список литературы

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
2. Голошубина О. К. Метаязыковая рефлексия в интернет-коммуникации (на примере речевого жанра «разговор в мессенджере») // Наука о человеке. 2016. № 3 (25). С. 59–65.
3. Вепрева И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.) : дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
4. Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50–64.
5. Плотникова А. М. «Когнитивный диссонанс», «депрессия», «разрыв шаблона» и другие психологические термины за пределами психологического дискурса // Cognitive Neuroscience–2020 : материалы междунар. форума. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 49–51.
6. Mertz E. E., Yovel J. Metalinguistic Awareness [Электронный ресурс] // The Handbook of Pragmatics / ed. by J.-O. Östman et al. [s. l.] : Kluwer, 2003. URL: <https://www.researchgate.net/publication/46417902> (дата обращения: 17.04.2020).
7. Woll N. How French speakers reflect on their language [Электронный ресурс]: a critical look at the concept of metalinguistic awareness // Language Awareness. 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/09658416.2019.1567743> (дата обращения: 23.04.2020).
8. Список источников и программного обеспечения
9. Shavrina T., Sharovalova O. Taiga Corpus [Электронный ресурс]: an open-source corpus for machine learning // GitHub Pages. 2017. URL: https://tatianashavrina.github.io/taiga_site/ (дата обращения: 22.01.2021).
10. R 4.0.2 [Электронная программа]: A language and environment for statistical computing // R Foundation for Statistical Computing. 2020. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 20.09.2020).
11. RStudio 1.3.1093 [Электронная программа]: Integrated Development for R // RStudio PBC. 2020. URL: <https://www.rstudio.com/> (дата обращения: 26.09.2020).
12. Wickham H., Averick M., Bryan J. et al. Welcome to the tidyverse [Электронный ресурс] // Journal of Open Source Software. 2019. № 4 (43). URL: <https://doi.org/10.21105/joss.01686> (дата обращения: 26.09.2020).
13. Silge J., Robinson D. tidytext [Электронный ресурс]: Text Mining and Analysis Using Tidy Data Principles in R // Journal of Open Source Software. 2016. № 1 (3). URL: <https://doi.org/10.21105/joss.00037> (дата обращения: 18.10.2020).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.161.1

Билингвизм: проблемы грамматической интерференции

Бочко Михаил Михайлович

Преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
РФ, г. Краснодар
bochkomichael@gmail.com

Bilingualism: problems of grammatical interference

Bochko Mikhail Mikhailovich

Lecturer at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications
Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism
Russian Federation, Krasnodar

Аннотация. Статья посвящена проблеме грамматической интерференции, возникающей в устной и письменной речи билингвов. Грамматический аспект языка сильно подвержен изменению в условиях двуязычия, когда родной русский язык используется исключительно в домашних условиях. Благодаря методу опроса респондентов с русско-английским и русско-турецким двуязычием были выявлены и описаны конкретные ошибки, связанные с употреблением имён существительных в различных грамматических конструкциях. В статье также объясняется причина интерференции при координации подлежащего и сказуемого в рамках русско-турецкого билингвизма.

Ключевые слова: двуязычие, дети-билингвы, грамматическая интерференция, имя существительное, турецкий язык.

Abstract. The article is devoted to the problem of grammatical interference that occurs in the oral and written speech of bilinguals. The grammatical aspect of the language is highly susceptible to change in the conditions of bilingualism, when the native Russian language is used exclusively at home. Specific errors related to the use of nouns in various grammatical constructions were identified and described with the help of the interviewing Russian-English and Russian-Turkish respondents method. The article also explains the reason for interference in the coordination of the subject and predicate within the framework of Russian-Turkish bilingualism.

Keywords: bilingualism, bilingual children, grammatical interference, noun, Turkish language.

Языковая ситуация современного мира отличается полилингвальным своеобразием коммуникативного пространства. «Продолжает увеличиваться процент людей, говорящих на двух и более языках» [5, с. 178], в ряде стран одноязычие практически уступает место двуязычию, что становится реальностью настоящего времени. Такая реальность в основном обусловлена активными процессами миграции и межэтническими браками, и приводит к формированию билингвальных семей с

детьми, в неравной степени владеющими двумя языками. В. Д. Бондалетов писал, что билингвизм – это двуязычие, то есть сосуществование у человека или всего народа двух языков, когда обычно первый – родной, и второй – приобретённый [2]. Естественно, такое сосуществование практически не может быть полноценным, «в русском запускаются регрессивные процессы, обусловленные межъязыковой интерференцией» [1, с. 12]. Как определил один из самых значимых исследователей билингвизма У. Вайнрайх, интерференция – «отклонение от норм, которое происходит в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [4, с. 22]. Процессы интерференции происходят на лексическом и грамматическом уровнях, «если социальный статус первого (родного) языка невысок – он, как правило, забывается, вытесняется иным» [7, с. 46], и, в конечном итоге, это влияет на становление языковой личности. В настоящей статье рассматривается грамматическая интерференция, поскольку имеет большое научное и практическое значение и интересует не только специалистов, занимающихся языком, но и обывателей – родителей и родственников билингвов.

Методом опроса были собраны ответы респондентов (субъекты с русско-английским двуязычием и русско-турецким двуязычием) с целью выявления и анализа конкретных грамматических погрешностей, связанных с употреблением в письменной и устной речи имён существительных. На морфологическом уровне обнаруживаются многочисленные отклонения от русской языковой нормы разного характера. Рассмотрим их последовательно.

Прежде всего, нужно обратить внимание на именную систему – склонение имён существительных. Интерференция на этом уровне возникает в случае полного отсутствия данного явления в языке страны проживания (например, английский) или частичного совпадения этих явлений с русским языком (например, турецкий).

А) категория рода имени существительного;

Понятие грамматического рода, существенное для русского языка, не имеет полного или даже частичного соответствия в большинстве языков других народов, в частности в тюркских. Поэтому для детей-билингвов усвоение категории рода представляет определенные сложности, ведь прежде всего следует знать, к какому из трёх родов относится каждое существительное в русском языке, не говоря уже об общем роде и о двуродовых существительных. При этом необходимо помнить о согласовании грамматического рода существительного с признаком рода в формах прилагательного, определительного местоимения, полного причастия, порядкового числительного, а также о координации подлежащего и сказуемого в форме

прошедшего времени. Неумение согласовывать грамматические формы приводит к ошибкам (например, *наступил ночь, весенняя день, росла огромная дерева, собака лаял во дворе*).

Особую сложность для билингвов представляют существительные, оканчивающиеся на мягкий знак, поскольку в русском языке это могут быть имена как мужского, так и женского рода (например, *та путь была тяжёлая; в этом осение холодно; конь скакала; тень был виден*). Отмечены случаи ошибочного согласования краткого причастия в роли сказуемого с существительным (например, *слышно громкий голос*).

Б) категория числа имени существительного;

Категория числа существительных представляет меньшую сложность для билингвов, так как и в других языках она имеет морфологические показатели. Тем не менее, ошибки также допускаются. Наличие в русском языке супплетивных форм приводит к речевым грамматическим дефектам (например, *самыми главными в семье являются ребёнки; там было много человек*).

В русском языке отвлечённые существительные, как правило, не имеют форм множественного числа. Незнание этого приводит к ошибкам (например, *в Интернете я увидела информации, что в Турции около 30 тысяч русских*).

В ряде опросных материалов, присланных из Турции, были выявлены ошибки, связанные с неправильным согласованием числа подлежащего и сказуемого (например, *экзамены тревожит меня; расцветает тюльпаны; дни стал короткий; эти книги нужен; дети играл на улице весь день*). Было установлено, что в турецком языке иные правила их координации:

1) если подлежащее, выраженное существительным, стоит во множественном числе и обозначает неодушевлённый предмет, то сказуемое может употребляться в форме единственного числа;

2) если подлежащее, выраженное существительным во множественном числе, обозначает одушевлённый предмет, то глагол предпочтительнее ставить в форму множественного числа, хотя в разговорной речи допускается употребление и в форме единственного числа.

В некоторых опросных материалах отмечено смысловое согласование подлежащего и сказуемого (например, *группа геологов шли долго*).

В русском языке, если подлежащее выражено количественным сочетанием, то сказуемое, выраженное глаголом в форме прошедшего времени, ставится в форме

единственного числа среднего рода. Это также не осознаётся билингвами (например, *у бога неба были несколько дочерей; в саду были много цветов*).

В) категория одушевлённости;

Ошибки в отношении категории одушевленности чаще всего проявляются при смешении форм винительного и родительного падежей, являющихся в русском языке грамматическими показателями этой категории (например, *хороших оценок нетрудно получить; ждал автобуса; все люди разные, и каждый любит что-то другого; какие русские знаменитости вы знаете?*).

г) категория падежа;

Некоторые падежи имеют параллели в других языках. Но падежные формы в разных языках отличаются в наборе значений. Русские падежные формы многозначны. Так, предложный падеж имеет и локальное, и изъяснительное, и временное значения. Незнание всех нюансов провоцирует появление ошибок. В присланных опросных материалах были зафиксированы следующие частотные ошибки:

1) использование формы именительного падежа вместо винительного в значении объекта (например, *читаю газета; посадил дыня; я написал маленькая повесть; проблемы между мужем и женой влияют на их дети*);

2) употребление форм винительного падежа вместо родительного в количественном значении (например, *дай стакан молоко; желаю успех*);

3) выбор неверных грамматических форм для обозначения даты (например, *23 март 2019 году*);

4) смешение форм винительного падежа со значением направления движения и предложного падежа со значением места действия (например, *я беру книги в библиотеку; я училась в школу; листья упали на земле*);

5) образование окончаний существительных в родительном падеже (например, *у нас много трудности*).

Более того, русская сложная система вариативных окончаний в устной и письменной речи билингвов часто подвергается упрощению. Так, разнообразные окончания существительных в родительном падеже множественного числа, выбор которых зависит от многих факторов (рода, мягкого или твёрдого типа основы, исключений), часто сводится к окончаниям *-ов* или *-ев* (например, *в России много писателей; я думаю, что в современных семьях существует много проблем*). Частотно смешение родительного падежа с винительным падежом (например, *люди ценят тёплых семейных отношений*).

Проблема грамматической интерференции тесно связана с исследованием процессов взаимодействия русского и второго языков в условиях двуязычия [3]. Анализ этого явления помогает вскрыть его истоки, заключающиеся во влиянии более усвоенной системы одного из языков на менее усвоенную, и выявить причины интерференционных ошибок. Основная проблема – несовпадение категорий и свойств родного языка и языка страны проживания.

Метод опроса с конкретными ответами билингвов помог сформировать вывод о том, что система русского языка усвоена недостаточно, а речевые навыки носителя двух языков нестабильны. Как правило, в русской речи билингв стремится к упрощению, пользуясь ограниченным набором языковых средств. В то же время отмечена тенденция к универсализации, т.е. выравниванию по аналогии многих явлений и последовательное опущение разного рода исключений. Можно отметить, что особенно это касается менее осознаваемых и самостоятельных элементов языковой системы. Для сбалансированного билингвизма требуется дифференциация языковых систем, что возможно лишь в ситуации постоянного общения с носителями русского языка, а «занятия русским языком должны «быть» регулярными» [6, с. 63].

Список литературы

1. Безрукова О.А., Каленкова О.Н. Речевое развитие ребёнка-билингва в период дошкольного детства // Русский язык за рубежом № 6, 2016. – С. 11 – 19.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
3. Бурд М.А. Психолого-педагогические основы взаимодействия детского сада и семьи в процессе воспитания и обучения русскому языку детей-билингвов дошкольного возраста (на примере Германии).: автореф. дис. ...канд. педаг. наук. – М., 2011. – 25 с.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
5. Ефременко Л.В. Изучение билингвизма на современном этапе и особенности детского билингвизма // Вестник КГУ №3, 2018. – С. 178 – 180.
6. Сараева А. Н. Русские дети за границей, или «Посадите тигра в свой бензобак!» / учебник. СПб.: Златоуст, 2017. – 267 с.
7. Хамраева Е.А. Детский модуль РКИ // Русский язык за рубежом №5, 2014. – С. 44 – 54.

УДК 81'42

Инструменты экспрессивного синтаксиса в аргументативной аттракции политического дискурса

Ермаков Антон Игоревич

магистрант факультета иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, РФ, г. Белгород
ai.ermakov.93@yandex.ru

Ермакова Ольга Александровна

учитель иностранных языков, МБОУ «Центр образования №15 «Луч», г. Белгород
olga.tsyshko@yandex.ru

Expressive syntax tools in the argumentative attraction of political discourse

Ermakov Anton Igorevich

master's student of the Department of Foreign Languages
Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

Ermakova Olga Aleksandrovna

foreign languages teacher, Education Centre No. 15 "Luch", Belgorod

Аннотация. Целью статьи является анализ изучения экспрессивного синтаксиса в рамках политического дискурса. В статье выделяются и описываются характерные особенности политического дискурса, ключевые аспекты процесса аргументативной аттракции и аргументативных практик, базовые характеристики категории экспрессивности и экспрессивного синтаксиса. Основное внимание в работе автор акцентирует на определении основных инструментов экспрессивного синтаксиса и их роли в создании аргументативных аттракторов. На эмпирическом материале описаны особенности функционирования инструментов экспрессивного синтаксиса в аргументативной аттракции политического дискурса. В качестве эмпирического материала было использовано послание Конгрессу 45-го президента США Дональда Трампа.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, аргументация, аргументативный аттрактор, категория экспрессивности, экспрессивный синтаксис, инструмент экспрессивного синтаксиса.

Abstract. The purpose of this article is to analyse the studies of expressive syntax within political discourse. The article highlights and describes defining characteristics of the political discourse, key aspects of the argumentative attraction process and argumentative practices, basic characteristics of the category of expressivity and expressive syntax. The author places special emphasis on the determination of main tools of expressive syntax and their role in the creation of argumentative attractors. The paper gives a detailed analysis of functioning of expressive syntax tools in the argumentative attraction of political discourse based on empiric material. The empiric material was represented by the State of the Union Address of the 45th president of the USA.

Keywords: discourse, political discourse, argumentation, argumentative attractor, category of expressivity, expressive syntax, expressive syntax tool.

В последнее время в лингвистической науке ученые проявляют все больше интереса к изучению возможности воздействия с помощью речи на аудиторию во время публичных выступлений. Как известно, для оказания влияния на слушателя и пробуждения у него интереса посредством обращения к его личным чувствам необходимо придать речи выразительность и наполнить ее эмоциональными компонентами. Такими компонентами как инструментами активно пользуются публичные личности в своих выступлениях, в частности – политические деятели, что позволяет рассматривать средства выразительности в рамках политического дискурса. Среди средств выразительности нельзя обойти стороной такой важный элемент, как синтаксис.

Речь как средство привлечения внимания и побуждению к действию можно рассматривать через призму когнитивной лингвистики, которая также активно применяется в рамках политического дискурса, поэтому будет уместным разобраться, как экспрессивный синтаксис соотносится с таким явлением, как аргументативная аттракция и выделить инструменты, посредством которых он реализуется.

В политическом дискурсе отношения между языком и властью эксплицируются наиболее активно. Данная характеристика обуславливает высокий интерес к данному виду речевой практики у лингвистов. В рамках когнитивно-дискурсивного анализа политический дискурс рассматривается как форма социальной практики. На состав политического дискурса влияют идеология, господство и процессы осуществления власти. Они изменяют правила дискурса и являются определяющими для его содержания. Событие в рамках дискурса подчинено определенному социально структурированному порядку, четким правилам и нормам, ассоциированным с определенными социальными институтами.

Политический дискурс оказывает влияние на социальные отношения, которые в свою очередь сами влияют на ход развития политического дискурса. С одной стороны, он помогает удерживать общество в определенных рамках, с другой стороны, трансформирует его [2, с. 36].

Политический дискурс включает в себя множество аспектов. К нему можно отнести любые речевые акты, применяемые в политических дискуссиях, а также правила ведения публичной политики, основанные на традициях и опыте. Политический дискурс можно считать эффективным тогда, когда он выполняет свою задачу, связанную с влиянием на общество, а именно со внушением обществу необходимости выполнения определенных действий и/или принятия определенных «правильных» оценок и решений. Таким образом, политический дискурс направлен

на убеждение и побуждение к действию, а не на описание (референцию), вследствие чего в политическом дискурсе и возникает явление аргументативной аттракции.

Определение «аргументативного аттрактора» предложено Е.А. Огневой, которая понимает под данным термином «исследовательский конструкт, архитектоника которого нацелена на непосредственную или опосредованную фокусировку внимания адресата на коммуникативных символах, представляемых адресантом в виде доминант в реализуемой коммуникативной ситуации» [3, с. 88].

Аргументативная аттракция возникает в результате прерывания говорящим пути ассоциирования, в результате чего адресат не может далее строить ассоциативный ряд и фиксируется на определенном аттракторе.

Аргументативная аттракция может реализовываться с помощью широкого спектра средств (семантических, синтаксических, стилистических и т. д.). В рамках политического дискурса особый интерес представляют экспрессивные возможности синтаксиса в аргументативной аттракции, являясь достаточно распространенным явлением в речах политических деятелей.

Чтобы рассмотреть инструменты экспрессивного синтаксиса в аргументативной аттракции, необходимо рассмотреть категорию экспрессивности в политическом дискурсе. Под экспрессивностью в языке следует понимать категорию, относящуюся к когнитивному аспекту речи и имеющую основанием отношения адресанта к объекту речи. С точки зрения синтаксиса в нее входит множество языковых средств, что позволяет сделать политические тексты еще более действенными и выразительными. Ключевыми интенциями адресата для создания экспрессивности являются чувства-отношения «одобрения» или «неодобрения». При помощи экспрессивности говорящий может четко выразить свое субъективное отношение к содержанию и адресатам посредством семантико-стилистических признаков единицы языка [5, с. 41].

Наличие экспрессивности является характерной чертой речи политических деятелей в целом, поскольку она направлена на эмоции и чувства слушателей. Управляя своей речью, адресант сначала использует признаки лингвистических единиц, позволяющие оказать наиболее сильное и эффективное эмоциональное воздействие на общественное сознание, работая как инструмент манипуляции над слушателями. Таким образом, конструкции синтаксиса, имеющие мощную экспрессивную окраску и насыщающие текст эмоциями находят весьма широкое применение в политическом дискурсе.

В.В. Виноградов оказал влияние на возникновение термина «экспрессивный синтаксис». В дальнейшем развитие данного термина можно проследить в работах О.В. Александровой, Э.М. Береговской, Р.Р. Чайковского и других лингвистов. Экспрессивный синтаксис позволяет выделять высказывания, придавать им эмоциональную энергию и таким образом передавать отношение адресанта к своим собственным словам, что позволяет эффективно воздействовать на адресата и побуждать его к восприятию информации определенным образом [1, с. 190; 8, с. 316].

Экспрессивный синтаксис является разделом лингвостилистики, изучающим экспрессивные средства синтаксиса и закономерности их использования носителями языка. Зная возможности применения синтаксических единиц, можно придать значимость высказыванию в определенном стиле речи.

Синтаксические единицы могут выступать в роли экспрессивных средств для достижения экспрессивного эффекта. Экспрессивные средства используются для придания речи большей эмоциональности, образности и оценочности. С помощью синтаксических средств можно подчеркивать тончайшие оттенки содержания и отношение автора к излагаемому предмету. При этом достаточно важными компонентами являются порядок слов, тип и длина предложения, а также интонация.

В рамках экспрессивного синтаксиса используются стилистически окрашенные структурно-семантические разновидности предложений, различный порядок слов, средства связи, необычные случаи употребления главных и второстепенных членов предложения и т. п. [4, с. 153; 6, с. 220].

При анализе послания Конгрессу Д. Трампа (President Trump's State of the Union Address (February 6, 2019) с точки зрения аргументативной аттракции нами были выделены следующие инструменты экспрессивного синтаксиса: синтаксический параллелизм, инверсия, эллиптические конструкции, вопросительные и восклицательные предложения, риторические вопросы.

Использование синтаксически параллельных конструкций позволяет усиливать экспрессивность высказывания. Они могут быть выражены отдельными членами одного предложения: We can make our communities safer, our families stronger, our culture richer, our faith deeper and our middle class bigger and more prosperous than ever before. (Мы можем сделать наши сообщества безопаснее, наши семьи сильнее, нашу веру глубже, а наш средний класс более крупным процветающим, чем когда-либо). В данном примере можно увидеть отражение аргументативного аттрактора «успех»: все прилагательные даны в сравнительной степени (stronger, richer, deeper, bigger, more prosperous) и несут в себе положительную коннотацию.

Другой случай иллюстрирует использование синтаксического параллелизма в рамках нескольких предложений: We must choose whether we are defined by our differences or whether we dare to transcend them. We must choose whether we squander our great inheritance or whether we proudly declare that we are Americans. We do the incredible. We defy the impossible. We conquer the unknown. (Мы должны сделать выбор: либо нас будут определять наши различия, либо мы осмелимся преодолеть их. Мы должны сделать выбор: растратим ли мы наше великое наследие или мы гордо объявим, что мы американцы. Мы сделаем невероятное. Мы бросим вызов невозможному. Мы покорим неизведанное.) Мы можем видеть два примера использования синтаксического параллелизма, следующих друг за другом. Это усиливает эффект экспрессивности. Примечательно, что синтаксический параллелизм в речах Д. Трампа сочетается с анафорой. Такие синтаксические конструкции придают тексту особую выразительность и делают звучание речи более убедительным, что побуждает аудиторию к размышлению и заставляет ее делать определенные выводы. Если рассмотреть данные предложения сквозь призму аргументативной аттракции, можно выделить антитезу *defined by differences - transcend differences, squander our great inheritance - proudly declare that we are Americans*, а также номинанты *incredible, impossible, conquer the unknown*, что вместе составляет аттрактор «исключительность».

В послании Конгрессу также встречаются эллиптические конструкции, например, *More people are working now than at any time in the history of our country. 157 million people at work*. Во втором предложении Д. Трамп опускает сказуемое, сокращая эмоциональную дистанцию между собой и слушателями. В данном примере также используется аргументативный аттрактор «успех», представленный в семантической цепочке *more people – working – any time in the history – 157 million people – work*.

Речь Д. Трампа также богата вопросительными предложениями, которые в основном являются риторическими вопросами, например: *Together we represent the most extraordinary nation in all of history. What will we do with this moment? How will we be remembered? I ask the men and women of this Congress, look at the opportunities before us. Our most thrilling achievements are still ahead. Our most exciting journeys still await.* (Вместе мы представляем наиболее выдающуюся нацию во всей истории. Что мы сделаем с этим моментом? Как нас запомнят? Я прошу всех в этом Конгрессе: посмотрите на возможности, которые у нас есть. Наши наиболее впечатляющие достижения еще впереди. Наши самые восхитительные приключения еще ждут нас). Эти вопросы действительно риторические: Д. Трамп не ждет какого-либо ответа, но и

сам не дает конкретного ответа. Данный пример иллюстрирует вышеупомянутый аргументативный аттрактор «исключительность» в рамках семантической цепочки the most extraordinary – do with this moment – be remember – opportunities.

Следующий пример экспрессивного синтаксиса представляет собой инверсию: Here with us tonight are three of those incredible heroes, Private First Class Joseph Riley, Staff Sergeant Irving Locker and Sergeant Herman Zeitchiek. (Здесь с нами эти трое невероятных героев, рядовой первого класса Джозеф Райли, старший сержант Ирвин Локер и сержант Герман Цайтчик). Первое место в предложении занимает обстоятельство, а подлежащее располагается на третьем месте – после сказуемого, что обеспечивает его структурное и смысловое выделение. Это может быть объяснено с точки зрения актуального членения предложения: в начале предложения идет тема – обстоятельство места «here with us», а подлежащее является ремой и называет имена ветеранов. Нестандартное расположение членов предложения заставляет адресата обратить внимание на данную часть высказывания, что позволяет выступающему влиять на сознание слушателя и управлять его вниманием. Аргументативным аттрактором в данном примере является аттрактор «гордость», представленный номинантом «incredible heroes» [7, с. 41].

Таким образом, экспрессивность присуща политическому дискурсу и реализуется в рамках аргументативной аттракции с помощью инструментов экспрессивного синтаксиса. В рассмотренном эмпирическом материале мы обнаружили такие инструменты экспрессивного синтаксиса, как синтаксический параллелизм, инверсия, эллиптические конструкции и риторические вопросы. Именно с их помощью адресат и создает необходимый аргументативный аттрактор.

Список литературы

1. Бондаренко И.В. Прагматический потенциал экспрессивного синтаксиса в политическом дискурсе // От дифференциации наук – к трансдисциплинарности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 250-летию Александра фон Гумбольдта. / Отв. ред. И.П. Амзаракова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2019. С. 188-192.
2. Матыцина М.С., Цинтула И. Связь языка и политики с позиций критического дискурс-анализа // Современные достижения и новые направления филологии: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции (12-13 февраля 2015 г.). / Под общей редакцией Е.Г. Озеровой. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 35-37.
3. Огнева Е.А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып. VI. / отв. ред. Е.А. Огнева, И.Б. Акиншина. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 87-92.

4. Рожкова Е.Н. Способы выражения экспрессивности в синтаксисе (на материале немецкого языка) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – №18 (113). – С. 151-156.
5. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 216 с.
6. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / ред. А.П. Сковородников. – Красноярск : СФУ, 2012. – 881 с.
7. Historic Documents of 2019 / Edited by Heather Kerrigan – Thousand Oaks, California: CQ Press, 2020. – 808 p.
8. The Routledge Handbook of Semantics / Edited by Nick Riemer. – London and New York: Routledge, 2016. – 544 p.

УДК 347.78.034

Ошибки перевода BioShock infinite

Шургучинов Церен Саналович

Студент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
РФ, г. Ростов-на-Дону
tseren20r@gmail.com

Лущака Анастасия Денисова

Студент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
РФ, г. Ростов-на-Дону
lushekanastya25@gmail.com

Старостенко Анна Сергеевна

Студент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
РФ, г. Ростов-на-Дону
anstar2707@yandex.ru

Научный руководитель

Глухова О.В.

к.ф.н., доцент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации РГЭУ (РИНХ)
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
РФ, г. Ростов-на-Дону

Translation mistakes in Bioshock infinite

Shurguchinov T.S

Undergraduate, Rostov State University of Economics, Russia, Rostov-on-Don

Lusheka A.D.

Undergraduate, Rostov State University of Economics, Russia, Rostov-on-Don

Starostenko A.S.

Undergraduate, Rostov State University of Economics, Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В данной статье рассматриваются ошибки перевода видеоигры «BioShock infinite». Работа представляет собой сравнительный анализ официального перевода «СофтКлуб» и неофициального от «CGINFO». Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей перевода и локализации компьютерных игр и видеоигрового контента. В статье также рассматриваются основные трудности при переводе компьютерных игр и видеоигрового материала. Рынок компьютерных игр развивается и увеличивает количество игроков с каждым днём. Этот рост создает пропорциональную востребованность в переводческих услугах, что говорит об актуальности данной статьи. На данный момент существует несколько компаний, занимающихся локализацией видеоигр в России.

Ключевые слова: перевод, BioShock, контекст, СофтКлуб, ошибки.

Abstract. This article is devoted to the analysis of mistakes in translation in the game BioShock infinite. This work has analysis and comparison of official «SoftClub» and fan «CGINFO» translation. The purpose of this article is to examine special aspects of game translation and localization. Also, this article examines main difficulties of game translation. Video games market is developing and increasing the number of its players every day. This growth is proportionally creating demand for translation services, which proves the relevance of this article. To date there are few companies, that provides videogame localization in Russia.

Key words: translation, BioShock, context, SoftClub, mistakes.

Игровая индустрия сильно выросла за последние годы, и игровые студии, стремясь распространить свой продукт, локализуют свои игры для игроков из разных стран, но качество перевода варьируется сильно от студии к студии. Перевод игр отличается от обычного письменного перевода и требует специальной подготовки. На примере видеоигры «Bioshock infinite» мы рассмотрим ошибки, которые были допущены в официальном переводе и сравним его с неофициальным.

Локализация видеоигр относится к аудиовизуальному переводу. Аудиовизуальный перевод отличается своим большим охватом. К нему можно отнести перевод кинофильмов, компьютерных программ, телевизионных новостных выпусков, рекламных роликов и видеоигр. Аудиовизуальный перевод – это перевод материалов, в которых присутствует как звуковая, так и зрительная составляющая [2].

Аудиовизуальный перевод является относительно молодой отраслью. Первая школа аудиовизуального перевода была основана только в 2012 году А.В. Козуляевым [5].

Перевод видеоигр будет сильно отличаться от перевода кинофильмов несмотря на то, что они оба относятся к аудиовизуальному переводу.

Перевод компьютерной игры будет отличаться большим количеством переводческих проблем. В работе «Феномен компьютерной игры в переводческом дискурсе» А.Т. Анисимова выделяет целый ряд таких проблем: «игровой интерфейс, сообщения об ошибках, дублированные видео или аудио, а также субтитры к ним,

информационные файлы, описывающие объекты в игре (например, оружие или предметы экипировки) карты, катсцены, справочные файлы...» [3].

Одной из главных особенностей перевода видеоигр будет являться перевод графических элементов. Александр Семенов из студии локализации игр «Allcorrect» отмечает, что перевод графических элементов может осложнить процесс перевода компьютерных игр. Некоторые игры могут включать в себя множество графических элементов, которые нужно перевести. Но если на ранних этапах разработки игровая студия не сделала графические элементы редактируемыми, то для переводчика это может стать большой трудностью [8].

Последней особенностью является то, что перевод видеоигры зачастую происходит в момент её разработки, чтобы на выходе игры её охват игроков был максимальным. Главной трудностью для переводчика является то, что разработка игры включает в себя много правок. Видеоигра может кардинально отличаться на ранних и на поздних этапах разработки.

Перевод компьютерной игры включает в себя работу с разными форматами. К ним можно отнести Microsoft Word и Excel. Также используются программы, такие, как SDLX или Trados, которые позволяют создавать архив переводов [4].

Рассмотрим основные ошибки, допущенные при переводе компьютерной игры «BioShock infinite». Стоит сказать, что серия игр BioShock является одной из культовых игр. К её плюсам можно отнести атмосферу, интересных персонажей, интригующий сюжет и динамичный геймплей. Серия включает в себя три части: BioShock (2007 г.), BioShock 2 (2010 г.) и BioShock infinite (2013 г.). Все игры получили высокие оценки как от критиков, так и от игроков. На сайте playground.ru первая часть получила 9 баллов от редакции и 9.1 от пользователей, вторая – 8.6 и 8.8, а третья имеет самые высокие оценки 9.5 и 9.2 [1,2,3]. На более известном сайте metacritic.com игры также имеют высокие оценки, которые не опускаются ниже 88 баллов, не считая переиздания BioShock: The collection [4,5,6].

В данной статье будут разбираться ошибки перевода, а именно BioShock infinite, так как из всей серии она имеет наибольшую популярность.

Стоит отметить, что официально не было выполнено полного перевода. «СофтКлуб» предоставил только субтитры без дубляжа.

Однако существует перевод от CGINFO, который отличается высоким качеством как актерской игры, так и качеством самого перевода. Перевод от CGINFO исправил ошибки официального как мелкие, так и большие, но стоит сказать в пользу СофтКлуб, что CGINFO не столько сами переводили, как исправляли ошибки

официального перевода [7]. Рассмотрим типичные ошибки официального и неофициального переводов (а – СофтКлуб, б – CGINFO):

1) -We have company. – We do indeed.

а. *За нами хвост.* – В самом деле.

б. *У нас гости.* – В самом деле

В самом первом примере при выстреле в дружественных NPC (non-player character/ неигровой персонаж) происходит следующий диалог. Здесь обыгрывается то, что данные NPC, а именно: Роберт и Розалинд Лютесы не могут умереть из-за игровой условности и спокойно в ответ на выстрел фразой «We have company» показывают, что заметили главного персонажа. Переводчик от СофтКлуб ошибочно предположил, что Лютесы убегают от погони, но в том игровом моменте от погони убегает главный персонаж Букер ДеВитт. Причиной этого может послужить то, что переводчик приступил к переводу, не прочитав полностью текст игры или же из-за отсутствия контекста. Об этом сложно судить, так как нам неизвестны условия, в которых работал переводчик, был ли у переводчика только текст или же ему предоставили саму игру. Говоря о контексте, стоит сказать, что Близнецы Лютесы представляют собой необычных персонажей и тесно связаны с сюжетом игры. Они знают, что произойдет и следовательно, им ничего не угрожает, и перевод «За нами хвост» в данном контексте будет не верен. Все это показывает важность такого процесса как предпереводческий анализ. Существуют разные схемы предпереводческого анализа, к примеру, от Кристианы Норд или же от И.С. Алексеевой, но все они включают в себя прочтение всего текста перед началом перевода. Это помогает разделить текст на компоненты, определить стратегию перевода, увидеть, какие есть трудные случаи перевода текста и тому подобное [1].

2) ...up, up into the city, where they created an even more perfect union.

а. ...все выше и выше поднимались они – в город, *который стал лучше всех прежних.*

б. ...все выше и выше поднимались они – в город, *где они создали идеальный союз.*

Во втором примере невозможно объяснить выбор данных эквивалентов переводчиком, но CGINFO перевели это предложение правильно и передали смысл оригинального текста.

3) -The same coin. A different perspective.

а. -Та же монета. Но другая *плоскость.*

б. -Та же монета. Но другая *точка зрения.*

Ошибка в третьем примере появилась из-за непонимания переводчиком происходящего или же, как говорилось выше, из-за отсутствия контекста. В данном примере все те же Близнецы Лютесы появляются из ниоткуда, чтобы помочь главным героям. Игра затрагивает тему альтернативных реальностей и в данном моменте Близнецы Лютесы показывают монету, чтобы объяснить данный феномен. Они держат монету так, что Роберт видит одну сторону монеты, а Розалинд - противоположную и произносят друг за другом слова, данные в примере. Так как они видят противоположные стороны монеты, то английское слово «perspective» в данном контексте будет переводиться как «точка зрения». Здесь обыгрывается не только то, что они видят разные стороны монеты, но и то, что их мнения на большинство вещей различаются.

4) -Mr. DeWitt-here!

a. Девитт! Сюда!

b. Мистер Девитт! Сюда!

В четвертом же примере официальный перевод по непонятным причинам решил убрать слово mister.

5) He was all I had. He fed me. Brought me books. He was...my friend. – Friend? – Until I grew up and I hated him. He was my warden. His just Comstock's pet, isn't he? Just like me.

a. -Он меня кормил. Приносил мне книги. Он был мне...другом. – Другом? – Потом я выросла и возненавидела его...Но он же просто зверушка Комстока, да? Как и я.

b. -У меня больше не было никого. Он кормил меня. Приносил книги. Он был мне другом. – Другом? – Потом я выросла и возненавидела его. Он был моим тюремщиком. Но он же просто зверушка Комстока. Как и я.

В пятом примере схожая ситуация, но более серьезная. Переводчик, возможно, по собственной невнимательности не перевел целые куски предложения.

6) -You got any openings in the group? I'd love to bust some Vox skull.

a. -У вас в отряде есть свободные места? Я бы тоже записался.

b. -У вас в отряде есть места. Я бы какому-нибудь народнику череп да раскроил бы.

В шестом примере мы можем увидеть частую ошибку в переводах, а именно неоправданная самодеятельность переводчика. Как и с предыдущими примерами, невозможно определить причину. При этом «СофтКлуб» умело перевели название с

латыни «Vox Populi», как «Глас Народа», что в контексте игры звучало уместно и не выбивалось из общей атмосферы игры.

7) -Who's there? -Bring us the Girl and wipe away the dept.

a. -Кто там? – *Приведи* девчонку, и мы в расчете.

b. -Кто там? – *Передашь* девчонку, и долг будет прощен.

В седьмом примере мы можем увидеть интересный случай. В этом предложении под «the girl» подразумевается грудной ребенок, который не может самостоятельно ходить, поэтому слово «приведи» будет не совсем уместно. Кто-то может сказать, что это мелкий недочет, но эта фраза повторяется в игре часто и имеет немаловажное значение в сюжете игры, поэтому назвать это мелким недочетом не получится.

8) (отрывок из телеграммы)

Dewitt STOP

Do not alert Comstock to your presence STOP

Whatever you do, do not pick#77 STOP

Lutece

a. Девитт, стой, Комсток не должен о тебе узнать, стой. Что бы ты ни делал, не бери номер семьдесят семь. Стой. Лютэс

b. То же самое, но вместо слова стой будет стоять ТЧК.

В восьмом примере мы видим, что «СофтКлуб» перевел слово «stop», как «стой», что в данном контексте неправильно. В телеграмме под словом «stop» подразумевается точка, что было исправлено в неофициальном переводе как «ТЧК».

9) -No one tells me where to go. – Booker...you've already been.

a. -Я сам решаю, куда идти. -Букер... ты уже был *тут*.

b. -Я сам решаю, куда идти. -Букер... *все уже решено*.

В девятом примере мы можем увидеть, что переводчик неправильно интерпретировал смысл предложения. Поэтому он посчитал, что после «... you've already been» подразумевалось слово «here» вместо правильного варианта «told». Здесь ошибка сводится не к отсутствию контекста, а к невнимательности переводчика.

Большинство ошибок в данном переводе можно свести к отсутствию контекста или же к невнимательности переводчика. В переводе «СофтКлуб» можно увидеть интересные решения, к которым не пришли бы многие другие переводчики, но при этом в переводе не все игровые предметы были локализованы, а только часть. Можно говорить о том, что перевод от «СофтКлуб» передает основной смысл оригинала, не нарушая общую атмосферу игры. Доказательством этого будет являться то, что игра была принята пользователями в России положительно.

Неофициальный перевод от CGINFO можно отметить за перевод всех предметов в игре, а также значительного количества графических элементов, подбор актерского состава и исправления ошибок официального перевода.

Подводя итоги, мы видим, что официальный перевод страдает от того же, от чего страдают и многие другие переводы игр и не только. Отсутствие контекста может сильно ударить по переводу и игрокам, не говорящим на языке оригинала. Им будет сложно понять, что происходит у них на экране, поэтому стоит наладить контакт между разработчиками игры и официальными дистрибьютерами игр в России. Стоит еще отметить, что игра была выпущена в 2013 году, и ситуация постепенно меняется в лучшую сторону. Однако в большей степени качество перевода зависит от бюджета издателя. У таких крупных студий, как Sony, отсутствуют значительные проблемы с переводом компьютерных игр. Однако в их переводах все еще можно найти грубые ошибки. Например, в God of War 2018 году, где на протяжении всей игры главный герой Кратос использует нейтральное слово *boy* по отношению к своему сыну и только в конце игры называет его «son». В русской локализации слово «*boy*» переводилось как «сын» или же «мальчик», что в корне не верно. Эта проблема все еще актуальна и стоит только надеяться на то, что издатели игр будут относиться с большим уважением к переводу своих игр.

Список литературы

1. Гараева М.Р., Гиниятуллина А.Ю. Переводческий анализ текста: Учебное пособие 2016
2. Лутков Е. А. Мультиформатность аудиовизуального перевода / Е. А.Лутков // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2016. – №14. – С.163-167.
3. Анисимова А.Т. Феномен компьютерной игры в переводческом дискурсе. Научный вестник Южного института менеджмента. – 2018. – №2.
4. Морозов М.Д. Особенности процесса локализации компьютерных игр // Вестник Астраханского государственного технического университета, 2019, №2 (68). С. 59-63.
5. Морозова Т.А. Аудиовизуальный перевод в России: развитие и современное положение // Инновационная наука, 2020, №5 С. 122 – 125.

Список источников

1. Playground URL. [Электронный ресурс]. URL: https://www.playground.ru/bioshock_infinite
2. Playground URL. [Электронный ресурс]. <https://www.playground.ru/bioshock>
3. Playground URL. [Электронный ресурс]. https://www.playground.ru/bioshock_2
4. Metacritic URL. [Электронный ресурс]. <https://www.metacritic.com/game/pc/bioshock-2>
5. Metacritic URL. [Электронный ресурс]. <https://www.metacritic.com/game/pc/bioshock-infinite>
6. Metacritic URL. [Электронный ресурс]. <https://www.metacritic.com/game/pc/bioshock>
7. CGINFO URL. [Электронный ресурс]. <http://cginfo.tv/%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D1%8B/%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-bioshock-infinite.html>
8. Семенов. А. Локализация игры: взгляд со стороны переводчика / А. Семенов // – URL: <https://app2top.ru/columns/lokalizatsiya-igry-vzglyad-so-storony-perevodchika-82281.html>

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11-112

Основные аспекты отечественных и зарубежных исследований в области понятийных и языковых категорий

Сергеева Надежда Валерьевна

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»
старший преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант
РФ, г. Оренбург
s_nadezhdac@mail.ru

The main aspects of native and foreign research in the field of conceptual and linguistic categories

Sergeeva N.V.

Orenburg State Pedagogical University
Senior Lecturer of the Foreign Languages department, postgraduate student
Russia, Orenburg

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать понятие категории, категориальную структуру и подходы различных ученых к изучению системы категоризации. В статье обобщены существующие данные по теме, представлены понятийные и языковые категории, их особенности с точки зрения современной функциональной грамматики на материале современного английского языка, в рамках которой осуществляются наши научные исследования. Такой подход будет интересен исследователям в области категоризации, с целью систематизации знаний в диахроническом аспекте и в качестве вспомогательного материала для последующих работ в этой области.

Ключевые слова: категория, понятийная категория, языковая категория, функциональная грамматика, функционально-семантическая категория.

Abstract. This article attempts to analyze the concept of category, categorical structure and approaches of various scientists to the study of the categorization system. The article summarizes the existing data on the topic, presents conceptual and linguistic categories, their features from the point of view of modern functional grammar on the basis of the modern English, within which our scientific research is carried out. This approach will be of interest to researchers in the field of categorization, in order to systematize knowledge in the diachronic aspect and as an auxiliary material for subsequent work in this field.

Keywords: category, conceptual category, language category, functional grammar, functional-semantic category.

Проблема категоризации интересует ученых различных областей наук. С античных времен и до современности человек обращается к категориям жизненных процессов, анализирует их. Подходы к исследованию категорий изменяются, как и сами категории, в зависимости от временного отрезка и культуры определенного

народа. Рассмотрим историю возникновения учений о категориях, назовем имена ученых, которые в круг своих интересов включают категоризацию, представляют свой взгляд на этот вопрос. Цель нашей работы – проанализировать существующие работы зарубежных и отечественных ученых в области категоризации, уточнить, как появились языковые категории в лингвистике, чем они отличаются от понятийных. Особый интерес представляют для нас функционально-семантические категории на материале современного английского языка.

Для определения предмета исследования, приведем понятие категории, данное в энциклопедическом словаре под редакцией А.А. Ивина 2004: «Категория (от греч. *kategoria* – высказывание, признак) – наиболее общие, фундаментальные понятия, являющиеся формами и устойчивыми организующими принципами мышления. Система категорий или категориальная структура представляет собой сеть основных категорий мышления, их устойчивую конфигурацию и взаимосвязь, при которой изменение одних элементов влечет за собой изменение других. Категориальная структура представляет собой систему координат мышления: его вопросов к самому себе и ожидания ответов на них. Такая структура, являясь инвариантным аспектом мышления, обеспечивает его единство, целостность и постоянную воспроизводимость, несмотря на динамику и многообразие конкретных областей его приложения».

Система категоризации зависит от культуры конкретного временного отрезка и определяется культурой как целым, а не каким-то отдельными ее областями. С изменением культуры меняется и соответствующая ей система категорий. Переход от одной исторической эпохи к другой всегда сопровождается видимыми изменениями системы категорий. В частности, О. Шпенглер был убежден в том, что понимание категорий предыдущей эпохи невозможно в современном мире. Основатель эволюционной эпистемологии К. Лоренц полагал, что категории – это функции нейросенсорной организации, сформировавшейся в интересах выживания.

Анализ категорий как наиболее общих характеристик жизненных процессов осуществляется с античных времен. Впервые систематическое учение о категориях представил Аристотель в трактате «Категории», обобщившем более ранние попытки выделить основные категории и охарактеризовать их. Аристотель выделил такие категории, как «сущность (субстанция)», «количество», «качество», «отношение», «место», «время», «положение», «состояние», «действие» и «страдание» [1]. Эта система категорий с некоторыми изменениями обсуждалась в философии вплоть до Нового времени. И. Кант истолковал категории как

«априорные неизменные формы мышления, упорядочивающие опыт, и подразделил их на следующие разряды: качество (реальность, отрицание, ограничение), количество (единство, множество, цельность), отношение (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), модальность (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность)».

Г. В. Ф. Гегель выделял в качестве категорий: «бытие» (качество, количество, мера), «сущность» (основание, явление и действительность, включающая субстанцию, причину и взаимодействие), «понятие» (субъект, абсолютная идея, объект). Системы категорий, создававшиеся в рамках немецкой классической философии, основываются на нескольких ошибочных предпосылках: существует замкнутый перечень категорий; он не зависит от культуры и не изменяется вместе с ней; система категорий представляет собой не результат анализа реального мышления, а следствие определенных общих философских идей, касающихся реальности и др. В дальнейшем системотворчество в сфере изучения категорий резко пошло на убыль.

Современная философия ввела в число категорий такие понятия, как «вероятность», «рациональность», «объяснение», «понимание», «содержание», «форма», «редукция», «жизненный мир», «страх», «заброшенность», «забота», «сомнение», «языковые игры» и т.д. Безусловно, никакого исчерпывающего перечня категорий не существует, что разнообразие категорий является не только неопределенным, но и весьма разнородным, так, что о системе категорий следует говорить с большой осторожностью. Каждая философская концепция вводит свои собственные категории, претендующие на то, чтобы быть экспликациями категорий обычного мышления. Все философские классификации категорий (т.н. таблицы категорий) в значительной мере искусственны, и нет оснований думать, что в будущем философия даст естественную и, значит, единственную их классификацию. В число тех категорий, которые, так или иначе, представляются большинством философских систем категорий, входят следующие: «существование», «время», «пространство», «изменение», «определенность», «рациональность», «добро», «истина», «убеждение», «знание» и т.д. Первая часть этих категорий касается мира самого по себе, вторая – познания мира человеком. Перечень категорий не является исчерпывающим уже потому, что познание – не единственная сфера человеческой жизнедеятельности. С древних времен понятие категории рассматривалось не как эмпирическая гипотеза, а как абсолютно бесспорная истина.

В своей книге «Женщины, огонь и опасные предметы» Лакофф Дж. представляет ученых, которые, по его мнению, наиболее полно раскрывают развитие теории категоризации. Остановимся на некоторых из них, поскольку нас интересует интерпретация категоризации, в том числе и иностранными исследователями.

— Имя Людвиг Витгенштейна связывается с идеями семейного сходства, центральности и градации.

— Взгляды Дж. Остина на связи между значениями слов в равной мере можно рассматривать и как концентрированное выражение ранних идей в области лексикографии и исторической семантики, и как предвращение современных представлений о полисемии как о семейном сходстве между значениями.

— Лотфи Заде начал формальное исследование категорий с размытыми границами с создания теории нечетких множеств (theory of fuzzy sets) как обобщения стандартной теории множеств.

— Проведенный Флоридом Лонсбери в рамках порождающего подхода анализ категорий родства представляет собой важнейшее связующее звено между идеей о порождении категорий генератором с помощью специфических правил и гипотезой о наличии в категории центральных членов (и подкатегорий).

— Brent Berlin и Поль Кей, по-видимому, наиболее известны своими работами по анализу цветовых категорий, в которых идеи о центральности и градации получают экспериментальное подтверждение.

— Поль Кей и Шад Мак Даниель предприняли исследование цветовых категорий с точки зрения антропологии и нейрофизиологии и продемонстрировали важность воплощения понятий, а также выявили ту роль, которую играет воплощение в установлении центральности.

— Роджер Браун начал изучение того, что позже было названо “категориями базового уровня”. Он установил наличие “первого уровня”, на котором дети познают категории объектов и называют сами объекты, причем этот уровень нельзя считать ни наиболее обобщающим, ни наиболее конкретным. Он отличается характерными действиями и более или менее частым использованием имен. Р. Браун считал этот уровень категоризации “естественным”, тогда как более высокий и более низкий уровни рассматривались им как “результаты деятельности воображения” [2].

Brent Berlin и его коллеги в исследованиях способов именования растений и животных эмпирически подтвердили для этой области многие фундаментальные идеи, связанные с базовым уровнем категоризации и приоритетностью базового уровня. Тем самым они продемонстрировали, что воплощение определяет некоторые

наиболее значимые свойства человеческих категорий. Поль Экман и его соавторы показали, что существуют универсальные базовые человеческие эмоции, имеющие материальные корреляты в лицевой мимике и в проявлениях нервной системы. Доказав воплощенность эмоциональных концептов, Поль Экман тем самым подтвердил гипотезы о наличии базового уровня понятий, его приоритетности и о существовании центральности.

Необходимо отдельно выделить исследование категории Элеонорой Рош. Ученый опиралась не на конкретные случаи, а на теоретические обобщения: она предположила, что мышление в целом основывается на прототипах и структурах базового уровня. Именно Э. Рош рассматривала категоризацию как одну из наиболее важных проблем познания. Вместе с Каролин Мервис и другими своими коллегами Рош сформировала в когнитивной психологии исследовательскую парадигму, в которой анализировались проявления центральности, семейного сходства, категоризации базового уровня, приоритетности базового уровня, рассуждений по аналогии, а также некоторых типов воплощения. Элеонора Рош наиболее известна своим вкладом в развитие экспериментальной парадигмы, в которой исследуются факторы, влияющие на оценку субъектом степени соответствия категории ее членов. В конечном счете, Э. Рош установила, что эти оценки сами по себе не образуют моделей для представления структуры категории. Их следует рассматривать как данные, которые не согласуются с классической интерпретацией категорий и налагают существенные ограничения на возможную адекватную теорию категоризации.

Исследования Э. Рош и ее коллег демонстрируют, что в общем случае категориям свойственно иметь наилучших представителей (они названы “прототипами”) и что все перечисленные способности человека реально участвуют в процессах категоризации. Однако прототипные эффекты сами по себе не дают какой-то особой альтернативной теории ментальной репрезентации. И как ответственный экспериментатор Э. Рош последовательно проводит различие между тем, что показывают ее экспериментальные результаты, и теориями, которые их могут объяснить.

Позже, в своих работах, Э. Рош посчитала необходимым эксплицитно предостеречь исследователей от слишком упрощенных интерпретаций прототипных эффектов — таких интерпретаций, которых придерживалась она сама на втором этапе своих исследований: “Распространенность прототипов среди категорий действительности и частое использование свойств прототипов в качестве основы для

варьирования указывают на то, что прототипы должны занимать определенное место в психологических теориях репрезентации, обработки и обучения. Однако прототипы сами по себе не образуют особой модели обработки, репрезентации или обучения. Это так часто становится источником заблуждений, что требует пояснения:

1. Говоря о *прототипах* вообще, мы просто обращаемся к удобному грамматическому конструкту (*fiction*); здесь реальны лишь суждения о степени прототипности... Применительно к естественноречевым категориям утверждения о том, что некоторая отдельная сущность является прототипом, либо результат грубой ошибки в интерпретации эмпирических данных, либо составная часть завуалированной теории ментальной репрезентации.

2. Прототипы нельзя рассматривать как особую модель обработки категорий... То новое, что вносят факты прототипности тех или иных явлений в понятия, связанные с обработкой данных,— это ограничения — модели обработки должны согласовываться с известными эффектами прототипности. Например, модель должна предсказывать различное время верификации для хороших и плохих примеров категорий и допускать эвристический поиск элементов категории.

3. Прототипы нельзя рассматривать как теорию репрезентации категорий... Прототипы могут представляться и в виде системы пропозиций, и в виде системы изображений... Как и в случае с моделями обработки, факты о прототипах могут только ограничивать, но не детерминировать модели репрезентации. Представление категорий только в терминах сочетаний необходимых и достаточных свойств, возможно, окажется недостаточным для объяснения всех известных к настоящему времени фактов, однако имеется много репрезентаций, несводимых к необходимости и достаточности.

4. Хотя прототипы усваиваются путем обучения, они не образуют отдельной теории обучения категориям” [14].

Итак, Э. Рош и позже Дж. Лакофф обратили внимание на когнитивную природу категоризации и представили категорию как многогранное и многоуровневое понятие, которое, не укладывалось в рамки классического определения и не являлось аксиомой. К наиболее влиятельным представителям зарубежной когнитивной лингвистики относят также Р. Джеккендоффа, Ч. Филлмора [3; 13]. Очень детально и, рассматривая все аспекты грамматики естественного языка, когнитивные принципы были применены в теории Р. Лангакера, называемой когнитивной грамматикой. Р. Лангакер указывает на то, что язык не может быть рассмотрен как автономная система, независимая от когнитивных процессов. Что еще более примечательно,

ученый уверен в том, что лексика, морфология и синтаксис, даже дискурсивные модели представляют собой континуум, единую связанную знаковую систему.

На современном этапе многие лингвисты, как зарубежные, так и отечественные, продолжают рассматривать категории, стремясь дать свое толкование, объяснение этому понятию, на основании более ранних работ коллег и благодаря своему эмпирическому и практическому опыту. Являясь по своему происхождению внеязыковыми феноменами (ментальными репрезентациями реальности), понятийные категории, включаясь в языковое (семантическое) содержание сообщения в качестве его мыслительной основы и, воплощаясь в нем, перестают быть собственно понятийными, неязыковыми [4, с. 5-6]

Безусловно, языковая категоризация имеет семантическую основу, поскольку мы объединяем языковые средства в категории по их значению, лексическому или грамматическому. Языковые категории - это категории значения, то есть семантические категории. Термин «семантическая категория» используется рядом ученых: А.В. Бондарко, Ф.А. Литвиным, Т.В. Маркеловой, Маттуш и др. Наиболее существенным принципом, конституирующим семантическую категорию как таковую, является принцип объединения единиц в классы, в разряды на основе обобщенного абстрактного значения, являющегося родовым понятием, которое включает в себя значения компонентов, составляющих данную категорию, выражающие видовые понятия. На этом основании можно определить семантическую категорию как класс разных видовых значений, объединенных одним обобщенным значением как родовым понятием [4, с. 18].

В монографии А.В. Бондарко «Грамматическая категория и контекст» автор отмечает связь функционально-семантических категорий с понятийными категориями (учитываются концепции О. Есперсена, И.И. Мещанинова и В.В. Виноградова) и вместе с тем подчеркиваются различия между этими понятиями. Сравним следующие суждения: «Опираясь на теорию понятийных категорий, мы вместе с тем и отходим от нее. Избранное нами направление определяется стремлением трактовать категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. С этим и связан отказ от термина «понятийная категория», поскольку он дает основание думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка» [5, с. 25]. Соглашаясь с выдающимся лингвистом в таком подходе к изучению категории, считаем, что языковые категории представляют собой огромный пласт, который подлежит дальнейшему исследованию, подробному рассмотрению и структуризации. При этом главное, на что опираются лингвисты при

дифференциации языковых категорий – их план содержания (функции) и план выражения (конституенты). Представители Ленинградской школы под руководством А.В. Бондарко исследовали и рассмотрели более тридцати различных категорий, в основе которых лежат соответствующие функции (категория персональности, модальности, залоговости, темпоральности и др.). Данное направление остается актуальным в настоящее время и привлекает ученых, которые представляют все новые функционально-семантические категории [6; 7; 8; 9; 10; 11]. Структурно функционально-семантическая категория (ФСК) представляет собой поле. В своих работах мы изучаем функционально-семантические категории на материале современного английского языка, уделяя особое внимание функционально-семантической категории перцептивности (ФСКП), которая находится в области наших научных интересов [12].

Подводим итог, что категориальное мышление свойственно человеку с древнейших времен, с античности ученых интересовала проблема категоризации. Категории рассматривались в основном как понятийные, но позже лингвисты доказали существование языковых категорий, в основе которых лежит семантика, в современных работах предметом исследования являются функционально-семантические категории, которые привлекают своим многообразием и особенностями структуры. В процессе работы над ФСКП на материале английского языка нами принимаются во внимание выводы, сделанные отечественными и зарубежными учеными, с целью углубленного анализа категории.

Список литературы

1. Аристотель. Категории. Об истолковании / Аристотель. - Москва: Директ-Медиа, 2002. – 115 с. - Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6938> (дата обращения: 14.08.2021).
2. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Д. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – Москва: Языки славянской культуры, 2004.- 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
3. Васильев Л. Г. К истокам когнитивной семантики: интерпретирующая концепция Р. Джеккендоффа / Л. Г. Васильев // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки.- 2011.- №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istokam-kognitivnoy-semantiki-interpretiruyuschaya-kontseptsiya-r-dzhekkendoffa> (дата обращения: 14.08.2021).
4. Бондарко, А. В. Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. - Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2011. – 485 с. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211118> (дата обращения: 14.08.2021)
5. Бондарко А.В. Грамматические категории и контекст. - Ленинград: Наука (Ленинградское отделение), 1971. — 114 с.

6. Артамонов, В. Н. Категория важности: принципы описания, место категории важности среди других функционально-семантических категорий / В. Н. Артамонов // Поволжский педагогический поиск. – 2016. – № 4(18). – С. 107-112.
7. Алтабаева, Е. В. Оптативность как функционально-семантическая категория / Е. В. Алтабаева // V Селищевские чтения: международный сборник научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2016. – С. 125-133.
8. Дронова, И. А. Категория убеждение (Assumption) в английском языке: функционально-семантический аспект / И. А. Дронова, М. Ф. Овчинникова, Н. А. Янькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 9(152). – С. 132-136.
9. Перепеляк, Т. Г. Реализация засвидетельствованности в новостном журналистском тексте (на материале современного немецкого языка) / Т. Г. Перепеляк // Казанская наука. – 2019. – № 2. – С. 103-105.
10. Рамбердиева, Г. С. Обращение как конституент функционально-семантического поля апеллятивности (на материале современного английского языка) / Г. С. Рамбердиева // Общественные науки. – 2016. – № 6-2. – С. 204-209.
11. Комлева, Е. В. К вопросу о текстовой реализации лексикограмматических аспектов перцептивности (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Комлева // Казанская наука. – 2020. – № 3. – С. 74-77.
12. Комлева Е.В. К вопросу о перцептивности как функционально-семантической категории (на материале современного английского языка) / Е. В. Комлева, Н. В. Сергеева. - Казанская наука. - 2019. - № 2. - С. 91-93
13. Fillmore Ch. Types of lexical information // Semantics. Cambridge, 1971.
14. Rosch Eleanor. Principles of Categorization. , 1978, pp. 40—41.

УДК 821.111

Лингвокультурная адаптация кельтских фольклорных сказок при переводе на русский язык

Чуркина Мария Денисовна

лингвист-переводчик, Институт общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», РФ, г. Севастополь
petrisilence@gmail.com

Абрамичева Елена Николаевна

к. филол. наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода»
Институт общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», РФ, г. Севастополь
helenn2018@gmail.com

Linguo-cultural adaptation of the Celtic folk tales in the course of their translation into Russian

Churkina Mariia Denisovna

Translation Studies Graduate, Institute of Social Studies and International Affairs
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol State University», Russia, Sevastopol

Abramicheva Yelena Nickolayevna

PhD in Philology, Associate Professor at the Translation Theory and Practice Department
Institute of Social Studies and International Affairs Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education, «Sevastopol State University», Russia, Sevastopol

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурной адаптации в переводе на материале кельтских фольклорных сказок. Рассматривается процесс лингвокультурной адаптации при работе с фольклорными текстами, выделяются специфические черты сказки как особого жанра словесного народного творчества. Рассматривается лингвокультурная специфика кельтских фольклорных сказок. Проводится анализ переводческих трудностей, связанных с необходимостью лингвокультурной адаптации для русского читателя, и соответствующие переводческие решения.

Ключевые слова: перевод, адаптивное транскодирование, лингвокультурная адаптация, народная сказка, кельтский фольклор.

Abstract. The article studies the linguo-cultural adaptation of translated texts on the material of the Celtic folk tales. The process of linguo-cultural adaptation of folklore texts is considered, the characteristic features of a folk tale as a distinct genre of verbal folk art are determined. The linguo-cultural features of the Celtic folk tales are examined. The article analyzes the translation difficulties that require linguo-cultural adaptation for Russian audience and the corresponding decisions.

Key words: translation, adaptive transcoding, linguo-cultural adaptation, a folk tale, the Celtic folklore.

В настоящее время подавляющее большинство переводчиков согласны с тем, что для создания полноценного перевода необходимо не только владеть языком, но и иметь представление о культурных конвенциях получателей оригинала и перевода, которыми определяются, во-первых, языковые особенности оригинала; во-вторых, картина мира и система ценностей, которые имплицитно содержатся в оригинале и должны быть адекватно восприняты в переводе. Отечественная переводческая школа активно развивается и ищет новые эффективные подходы к передаче содержания иноязычного текста. В свете этого особую важность приобретает лингвокультурная адаптация, а исследования на соответствующую тематику обладают неоспоримой актуальностью. Стоит отметить и резко усилившийся интерес мирового научного сообщества к фольклору и фольклористике, что объясняется пристальным вниманием к другим культурам как последствием глобализации. Перевод фольклорных текстов позволяет иноязычным получателям сформировать глубокое представление о мировоззрении, менталитете и ценностных установках другой культуры, лучше понять её представителей.

Объектом исследования были выбраны кельтские (ирландские и валлийские) народные сказки и их переводы на русский язык. Предметом исследования стали особенности лингвокультурной адаптации данных сказок в процессе перевода. Материалом послужили народные кельтские сказки из сборника Джозефа Джекобса «Celtic Folk and Fairy Tales» и переводы данных сказок на русский язык из сборника Н. В. Шерешевской «Сказки ирландские и валлийские» (1993 год).

Цель исследования состоит в изучении основных причин и приёмов лингвокультурной адаптации кельтских народных сказок. Этим определяется ряд задач:

- 1) раскрыть суть лингвокультурной адаптации и определить основные подходы к ней;
- 2) исследовать принципы лингвокультурной адаптации фольклорных текстов, в частности сказок;
- 3) выявить специфические лингвокультурные особенности кельтских сказок;
- 4) проанализировать случаи лингвокультурной адаптации кельтских сказок и соответствующие переводческие решения.

Подавляющее большинство отечественных исследователей изучает явление лингвокультурной адаптации на материале авторских произведений либо фольклора народов, проживающих на территории России. Кельтские сказки в контексте

лингвокультуроведения и переводоведения прежде не рассматривались, что обуславливает новизну проведённого исследования.

Прежде всего, определим, что в целом представляет собой явление переводческой адаптации. Толчком для его пристального изучения стало введение Л. К. Латышевым термина «языковое посредничество», под которым понимается «общение разноязычных коммуникантов с помощью языкового посредника, владеющего двумя языками» [1, с. 8-9].

Подробно явление адаптивного транскодирования изучает В. Н. Комиссаров. Он определяет языковое посредничество как преобразование исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята рецептором, и выделяет два его основных вида: перевод и адаптивное транскодирование. Перевод в его понимании является видом языкового посредничества, всецело ориентированным на иноязычный оригинал, или же иноязычной формой существования сообщения, содержащегося в оригинале [2, с. 42]. В свою очередь, адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором информация не только транскодируется с одного языка на другой, но также преобразуется в иную форму, что определяется «не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации» [2, с. 48]. Перевод В. Н. Комиссаров считает основным видом языкового посредничества, поскольку адаптивное транскодирование передаёт содержание оригинала, однако не является полноправной заменой и потому носит «парапереводческий» характер.

В. Н. Комиссаров упоминает несколько типов транскодирования: сокращённый перевод (опущение частей оригинала), адаптированный перевод (упрощение оригинала), стилистическую адаптацию (замена особенностей стиля в ИЯ особенностями этого стиля в ПЯ) и прагматическую адаптацию (изменение структуры и содержания для достижения необходимого коммуникативного эффекта). Особое значение в контексте лингвокультурологии имеет последний тип транскодирования.

В. В. Сдобников и О. В. Петрова, опираясь на идеи В. Н. Комиссарова, детально исследуют прагматическую адаптацию и определяют её как «приведение текста в такую форму, которая максимально облегчает его восприятие и способствует оказанию соответствующего коммуникативного эффекта» [3, с. 164]. Её необходимость и формат диктуются различиями в системах языков, которые способны препятствовать одинаковому восприятию текстов разноязычными коммуникантами, а также различиями в фоновых знаниях и культурных конвенциях реципиентов оригинала и перевода. Иными словами, то или иное понятие может

обладать неодинаковым или противоположным значением в разных культурах, вызывать различные ассоциации или отсутствовать в принципе. В связи с этим В. В. Сдобников и О. В. Петрова вводят понятие национально-культурной адаптации, которая помогает оказать необходимый эффект на представителя иной культуры.

Необходимость адаптации также определяется принадлежностью текста к конкретному стилю и жанру. Художественные тексты являются продуктом культуры, в которой они создаются, и потому обладают выраженным национальным колоритом, изобилуют специфическими реалиями и языковыми элементами, отражают характерные черты менталитета. Задача переводчика не может быть сведена к тому, чтобы просто обеспечить понимание; он должен удостовериться, что текст будет адекватно воспринят читателем, воспитанным и сформированным совершенно иной культурой.

Чужие культурные реалии неизменно привлекают внимание реципиента перевода. В. В. Сдобников и О. В. Петрова говорят: «...в произведении как бы появляется новый компонент, новый центр внимания, о котором даже не подозревал автор» [3, с. 392]. Главный вопрос национально-культурной адаптации, по их мнению, звучит следующим образом: «Должен ли читатель перевода получать от текста такое же впечатление, как и читатель оригинала, или же он должен всё время чувствовать, что он читает текст, написанный на чужом языке и отражающий чужую для него культуру?» [3, с. 392].

В первом случае переводчик оставляет в тексте только то, что должен был воспринимать читатель согласно изначальной авторской интенции. Это подразумевает стирание всей «отвлекающей» национально-культурной специфики оригинала, «пересадку» событий в культуру переводящего языка. Если цель состоит сугубо в воссоздании сюжета, данный подход является рабочим. Однако для полноценного перевода художественного произведения необходимо учитывать, что мысли, чувства и поступки героев основаны на конкретном национальном менталитете. При подмене реалий психология персонажей оказывается оторвана от конкретной системы ценностей, становится недостоверной, что в значительной степени затрудняет понимание мотивации и, следовательно, произведения в целом.

Второй подход, при котором переводчик сохраняет и объясняет все специфические культурные элементы оригинала, также нельзя назвать эффективным. С одной стороны, благодаря ему текст не только сохраняет всю заложенную в оригинале информацию, но и обретает дополнительную страноведческую функцию. С другой стороны, сохранённая информация может

оказаться бесполезной для читателя, незнакомого с культурой, а также существенно усложнить восприятие текста. Хотя такой перевод весьма ценен в образовательном плане, он нередко разрушает целостный художественный образ, поскольку читатель вынужден постоянно отрывать от текста, обращаясь к комментарию.

Задача переводчика, работающего с национально окрашенным текстом, заключается в том, чтобы верно передать психологию героев, которая сама по себе будет напоминать читателю об инокультурном происхождении текста. В таких условиях чаще всего приходится искать компромисс, чтобы текст воспринимался рецептором не как «свой» или «чужой», а как «иной»: «... т. е. понятный, но не ассоциирующийся со своей родной национально-культурной средой» [3, с. 400]. Страноведческая информация должна быть достаточной, чтобы обеспечить национальную окраску и обосновать мотивацию, но при этом не должна скрывать от читателя содержание.

Вопрос именно лингвокультурной адаптации подробно изучает Н. В. Тимко. Она считает, что перевод по своей природе является «лингвокультурной трансляцией» и таким образом ставит знак равенства между адаптацией и переводом.

В понимании Н. В. Тимко, фокус переводчика должен быть направлен на то, какими средствами передаётся содержание текста, что в нём подразумевается и как он воспринимается. Серьёзным «антикоммуникативным» фактором она называет «лингвокультурную асимметрию» в восприятии текста получателями, что вызвано различиями в их окружающей среде [4, с. 62]. Более подробно данный феномен рассматривает Н. Г. Гончар. Согласно ей, лингвокультурная асимметрия – это проявление в процессе перевода межъязыковой и межкультурной асимметрии, что, в свою очередь, заключается в несовпадении или «лакунарности» элементов системы одного языка и культуры при сопоставлении их с соответствующими элементами системы другого языка и культуры [5, с. 21].

В качестве основных стратегий, используемых для преодоления лингвокультурной асимметрии, Н. В. Тимко называет два уже упомянутых радикальных подхода, основанных на снятии или сохранении национально-культурного колорита. В её концепции они называются элиминацией (нивелированием) различий между культурами и экспликацией культурного содержания с сохранением исходных конвенций. Н. В. Тимко приходит к тому же выводу, что В. В. Сдобников и О. В. Петрова: решение переводчика должно представлять собой компромисс, основанный на ценности культурной информации и конкретной переводческой задаче [6, с. 174].

Непосредственно понятием «лингвокультурная адаптация» оперирует В. М. Никонов, определяя её как «приспособление текста при помощи определённых процедур к предельно адекватному, вполне соответствующему, совпадающему, тождественному его восприятию читателем иной культуры» [7, с. 78-79].

Лингвокультурная адаптация приобретает несоизмеримое значение при работе с фольклором. В сфере переводоведения фольклор означает в первую очередь устную народную словесность: эпос, легенды, предания, песни, сказки и т. д. – то есть текстовые формы его существования. А. М. Гутов и М. М. Паштова, определяют фольклорный текст как продукт «совокупного, взаимодействующего творчества коллектива и личности, причём творчества и художественного, и языкового» [8, с. 2]. Органическое единство плана выражения и плана содержания в фольклорном тексте обуславливается культурно-национальным контекстом, в который входят не только выразительные средства языка и жанровая специфика произведения, но и вся национальная фольклорная традиция: её сложная система художественной условности, своеобразие народной исторической памяти и традиции исполнительской школы. А. М. Гутов и М. М. Паштова считают, что перевод такого текста на иностранный язык без каких-либо потерь неосуществим, потому как это означает, фактически, перевод всего национально-культурного контекста, сформированного многовековой историей.

Фольклористами выделяется ряд характерных черт фольклорных текстов, которые, в свою очередь, влияют на ход переводческого процесса. К ним относятся особые речевые приёмы, своеобразная традиция, следование готовому образцу, безличность, многовариантность в пределах жанра, циклизация и импровизация. Кроме того, к основным признакам фольклорных текстов многие исследователи относят их специфическую эстетику, суть которой, согласно В. Е. Гусеву, заключается в следующем: «Она выражает коллективно выработанные, широко принятые народными массами, ставшие традиционными представления о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном, трагическом и комическом» [9, с. 267].

Отдельным жанром словесного народного творчества является фольклорная (народная) сказка – прозаический устный рассказ о вымышленных событиях в фольклоре разных народов. Для переводчика народная сказка – в первую очередь особый лингвокультурный объект, представляющий одновременно интерес и трудность. В сказках сконцентрирован национальный колорит во всех его проявлениях, что обеспечивается:

1) культурным фоном: специфическими для культуры объектами, явлениями, ценностями, верованиями и т. д.;

2) структурно-композиционными особенностями, традиционными сказочными формулами и сюжетными схемами, языковыми средствами, типизированными образами персонажей и т. д.;

3) функциональным назначением (эстетическое, социально-педагогическое и магическое воздействие).

О. И. Костикова подробно рассматривает феномен внутренней и внешней «миграции» сказки – переноса её из одной культурной среды в другую. Внутренняя миграция была вызвана особенностями исполнения сказок: они передавались рассказчиками в устной форме, поэтому одно и то же произведение могло видоизменяться разными исполнителями как по субъективным причинам (талант и личные предпочтения), так и по объективным (характер аудитории). Каждая сказка подвергалась творческой обработке со стороны каждого нового исполнителя, который, по сути, выступал в роли её соавтора. Внешняя (или межкультурная) миграция происходила, когда сюжеты сказок заимствовались соседними культурами, перерабатывались и наделялись иной культурно-социальной окраской. Точный перевод на ранних этапах был почти несуществующим явлением; заимствованные сюжеты переосмысливались народом-получателем и неизбежно «одомашнивались» [10, с. 110].

Впоследствии стратегия «одомашнивания» уступила место противоположной тенденции: сохранению в переводе как можно большей доли оригинального наполнения. О. И. Костикова отмечает, что переводчики при этом не стремились к крайности, осторожно дозируя соответствие оригиналу на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях, поскольку излишняя сложность («отчуждённость») перевода могла лишить сказку её социально-педагогической функции [10, с. 111]. Народная сказка выражает многовековую народную мудрость в простом и ясном виде, чётко отделяет добро от зла и расширяет представление об окружающем мире [10, с. 104]. Маловероятно, что читатель может извлечь из сказки какой-либо значимый вывод, если ему приходится, выражаясь словами В. В. Сдобникова и О. В. Петровой, «продираться к содержанию через частокол неведомых и непонятных ему реалий и чужого синтаксиса» [3, с. 400]. Кроме того, сказки обычно создаются и переводятся для юных читателей, которые быстро потеряют интерес к произведению, если столкнутся с огромным количеством незнакомых слов и вынуждены будут постоянно обращаться к комментарию.

Иными словами, из-за насыщенного национального колорита, функциональных особенностей и характера целевой аудитории сказка весьма быстро пришла к компромиссному подходу. Также стоит отметить, что сказки разных народов имеют в своей основе разные национальные менталитеты и картины мира, исторические и культурные опыты, системы ценностей и эстетические представления, что влияет на степень необходимой лингвокультурной адаптации и оптимальные пути решения переводческих задач.

Кельтская сказочная традиция является одной из наиболее древних и хорошо сохранившейся в Европе. Основной сборник кельтских преданий «Celtic Fairy Tales» был составлен в 1892 г. Джозефом Джекобсом, который отмечал, что в случае кельтского фольклора существенной проблемой стало выбрать определённые тексты из огромного количества [11]. Помимо упомянутого сборника, популярностью в настоящее время также пользуются собрания “Myths and Folk Tales of Ireland” Джереми Кэртина (1890 г.), “Welsh Fairy-Tales And Other Stories” Питера Генри Эмерсона (1894 г.) и “Fairies and Folk of Ireland” Уильяма Генри Фроста (1900 г.), каждое из которых предлагает для ознакомления уникальный набор ирландских и валлийских сказочных сюжетов. Также необходимо отметить трёхтомное собрание ирландских сказок Томаса Крофтона Крокера “Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland” (1825-1828 гг.).

Типичные кельтские сказки отличаются большим объёмом текста, продолжительностью сюжета и насыщенностью деталями. Это можно объяснить, во-первых, процветающей традицией устного рассказа, благодаря чему сказочные сюжеты в Ирландии и Уэльсе сохранялись и передавались во всей полноте; во-вторых, тягой ирландского и валлийского населения к масштабным описаниям подвигов мифических и национальных героев. Дж. Джекобс сравнивает кельтские сказания с русскими былинами: “Only the byline, or hero-songs of Russia, equal in extent the amount of knowledge about the heroes of the past that still exists among the Gaelic-speaking peasantry of Scotland and Ireland” [11].

На кельтскую сказочную традицию существенно повлияли средневековые куртуазные романы и цикл о короле Артуре и рыцарях Круглого стола; ей присуща рыцарская романтика, «артуровские» образы (чародеи, волшебные артефакты и пр.) и отсылки на конкретных персонажей цикла: “*Precious gold was upon the stirrups and shoes, and the blade of grass bent not beneath them, so light was the courser's tread as he went towards the gate of King Arthur's palace*” [11]. Нередко эти элементы оказываются тесно переплетены как с элементами древней кельтской мифологии (фейри,

великаны, морские девы), так и с христианскими верованиями: *“One fine day in harvest – it was indeed Lady-day in harvest, that everybody knows to be one of the greatest holidays in the year...”* (“Lady-day” – день, в который христианами почитается Благовещение Пресвятой Богородицы) [11].

Стоит заметить, что сказки в сборнике Дж. Джекобса уже являются переводами с гэльского на английский, и степень их соответствия гэльским оригиналам в сюжетном и художественном плане напрямую зависит от мастерства переводчиков, к услугам которых прибегал Дж. Джекобс [11]. Поскольку сам фольклорист плохо владел гэльским языком, он не мог полноценно воспроизвести особенности оригинала; однако, чтобы сохранить культурную окраску, Дж. Джекобс оставляет в текстах сказок отдельные гэльские слова: *“It’s there he heard the fulparnee, and the folpornee, the rap-lay-hoota, and the roolya-boolya, that they had there, and every man of them crying out as loud as he could... [...] there were young women and fine youths in the middle of the hall, dancing and turning, and going round so quickly and so lightly, that it put a soorawn in Guleesh’s head to be looking at them”* [11]. Пояснений к ним не приводится, поскольку Дж. Джекобс, во-первых, рассчитывал на догадку читателя; во-вторых, считал, что незнакомая лексика делает повествование более «эффективным» и добавляет ему «местный колорит»: *“I have not scrupled to retain a Celtic turn of speech, here and there a Celtic word, which I have not explained within brackets – a practice to be abhorred of all good men. A few words unknown to the reader only add effectiveness and local colour to a narrative, as Mr. Kipling well knows”* [11].

Мы можем выделить лишь два крупных сборника переводов кельтских сказок на русский язык. Сборник «Сказки Ирландские и Валлийские», вышедший в 1993 г., содержит переводы Н. В. Шерешевской, которая в 1957 г. и 1960 г. совместно с М. И. Клягиной-Кондратьевой также издала два крупнейших сборника переводов английских сказок. Перевод трёхтомного собрания Томаса Крокера *“Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland”* был выполнен в 2019 г. В. М. Линейкиным, А. С. День и Т. Д. Мининой.

Хотя последнее издание могло бы предоставить объёмный и очень ценный материал для изучения лингвокультурной адаптации, сборник труднодоступен как для исследователей, так и для обычных читателей из-за своей высокой стоимости, ограниченности тиража и отсутствия электронного варианта. Это же относится ко многим англоязычным собраниям, на которых основывала свои переводы Н. В. Шерешевская. Таким образом, лингвокультурная адаптация кельтских сказок рассматривалась на ограниченном материале, однако это не стало существенным

препятствием, поскольку выбранные тексты хорошо репрезентируют как особенности ирландских сказок, так и необычный переводческий подход в поздних работах Н. В. Шерешевской.

Компромиссный подход в общепринятом виде подразумевает как можно более точную передачу сюжета и принятие решения относительно каждой конкретной реалии в зависимости от её функции в тексте. Стратегия Н. В. Шерешевской объединяет элиминацию и экспликацию в несколько иной пропорции: переводчица старается максимально сохранить культурную специфику и создаёт на основе оригинального содержания и колорита собственный текст. Возьмём для примера фрагмент из сказки “Field of Boliauns” («Поле ромашек»): *“One fine day in harvest – it was indeed Lady-day in harvest, that everybody knows to be one of the greatest holidays in the year – Tom Fitzpatrick was taking a ramble through the ground, and went along the sunny side of a hedge; when all of a sudden he heard a clacking sort of noise a little before him in the hedge. ‘Dear me,’ said Tom, ‘but isn’t it surprising to hear the stonechatters singing so late in the season?’”* [11]. Степень лингвокультурной адаптации в переведённом тексте существенно превышает таковую в уже рассмотренных переводах: *«В один солнечный денёк – то был не простой денёк, а праздник, самый любимый в Ирландии весенний праздник – Благовещенье – вдоль живой изгороди по солнечной тропинке прохаживался молодой паренёк. Звали его Том Фитцпатрик. Гуляя по полю, он вдруг услышал негромкое тук-тук, тук-тук, где-то у самой земли за изгородью. “Неужели каменка щёлкает? – подумал Том. – Для неё будто бы рановато!”»* [12]. Фактически, Н. В. Шерешевская прекращает опираться на лексику и синтаксис оригинала, и вместо этого фокусирует внимание на создаваемой ими картине, описывая её собственными словами. При этом переводчица учитывает, что действие происходит в незнакомой русскому читателю стране, и при необходимости вводит краткие пояснения («...самый любимый в Ирландии весенний праздник») или использует названия, принятые в русской культуре («Lady-day» – «Благовещенье»).

Периодически Н. В. Шерешевская дополняет текст собственными ситуациями, комментариями и обращениями к аудитории, особенно в тех случаях, когда читатель непосредственно сталкивается с новыми реалиями, например, фантастическими существами. Оригинал сказки предполагает, что читатель из Великобритании хорошо знаком с “Lepracauns”: *“Well, by the powers, ’ said Tom to himself, ‘I often heard tell of the Lepracauns, and, to tell God’s truth, I never rightly believed in them – but here’s one of them in real earnest. If I go knowingly to work, I’m a made man. They say a body must*

never take their eyes off them, or they'll escape' » [11]. Н. В. Шерешевская проводит краткий мифологический экскурс и только после этого возобновляет непосредственно сюжет сказки: «“Силы небесные! – воскликнул про себя Том. – Лепрекон! Ей-ей, лепрекон! Слыхать-то я про них слыхал, но вот не думал, что они на самом деле встречаются!”. Вы уж, наверное, догадались, что Том имел в виду весёлого эльфа-сапожника, которого в Ирландии называют лепрекон. Но самое интересное, что лепреконы умеют шить башмак только на одну ногу – или на правую, или на левую, – так, во всяком случае, о них говорят. “Мне удача! – подумал Том. – Только теперь нельзя с него глаз спускать, а не то он исчезнет, словно его и не бывало”» [12]. Это довольно смелый, однако действенный приём. Читатель перевода получает необходимые культурные знания и оказывается в равном положении с читателем оригинала. Кроме того, произведение воспринимается так, словно его рассказывает на русском языке и для русской аудитории представитель ирландской культуры.

Н. В. Шерешевская также включает в повествование более мелкие элементы, которые помогают создать чёткую и цельную картину происходящего для русскоязычного читателя: «*Гуляя по полю, он вдруг услышал...*». В оригинале нет открытого упоминания о поле, но мы можем предположить, что переводчица прибегает к смысловому развитию. В Великобритании и Ирландии «*hedge*», или живая изгородь, нередко используется для огораживания полей; таким образом, в представлении англоязычного читателя наличие «*a hedge*» само по себе свидетельствует о наличии поля. Для русской действительности садовая изгородь несвойственна, а русскоязычный читатель не знаком с её функциональным назначением, поэтому Н. В. Шерешевская дополнительно указывает на существование поля в переводе.

Представляет интерес и замена “*stonechatter*” – «каменка», поскольку эти названия относятся к родственным, но всё же разным видам птиц. “*Stonechatter*” или “*stonechat*” – это черноголовый чекан, ареалом обитания которого являются Европа и Северная Африка; «каменка» – это “*wheatear*”, и она характерна для Северной и Центральной Азии, то есть территории России. Вполне вероятно, что переводчица заменяет “*stonechatter*” на птицу из того же семейства, но лучше знакомую русскоязычному получателю.

Отметим тонкий подход Н. В. Шерешевской к ономотопее. Для английского языка более характерно не прямое звукоподражание, которое в оригинале изначально выражено словом “*clacking*”: “*...he heard a clacking sort of noise...*”. В переводе

Н. В. Шерешевская использует прямое звукоподражание, которое более естественно как для русскоязычных художественных произведений, так и для русского языка в целом: «...он вдруг услышал негромкое тук-тук, тук-тук...». Кроме того, она дополнительно подчёркивает природу звука за счёт контекстуальной замены “*the stonechatters singing*” – «каменка щёлкает». Антонимичная замена “*singing so late in the season*” – «для неё будто бы рановато» также может быть проявлением внимания Н. В. Шерешевской к деталям, поскольку активность чекана и каменки может приходиться на разные месяцы.

Свободное обращение с текстом оригинала позволяет Н. В. Шерешевской легко преодолеть специфические проблемы, связанные с лингвокультурной адаптацией безэквивалентной лексики – например, непереведённых гэльских слов-реалий из сборника Дж. Дугласа, значение которых не всегда очевидно: “*Well, my dear, it was a beautiful sight to see the king standing with his mouth open, looking at his poor old goose flying as light as a lark, and better than ever she was: and when she lit at his feet, patted her on the head, and ‘Ma vourneen,’ says he, ‘but you are the darlint o’ the world’*” [11]. Переводчица дополняет текст собственными деталями, после чего применяет смысловое развитие: «На старого короля одно удовольствие было смотреть: от удивления он даже рот открыл и радовался, глядя на свою старушку гусыню, которая порхала в небе ну точно жаворонок. Да, так вот, гусыня сделала большой круг – сначала скрылась из глаз, потом вернулась – и наконец опустилась у ног своего хозяина. Он погладил ей голову и крылья и убедился, что она и в самом деле стала опять молодой и здоровой, и даже еще лучше, чем была» [12]. Таким образом, перевод полностью передаёт смысл оригинала без необходимости искать эквиваленты для “*vourneen*” или “*darlint*”.

Особым видом безэквивалентной лексики в кельтском фольклоре являются гэльские имена собственные, правильная транскрипция которых требует уверенных познаний в фонетике гэльского языка: “*Thus did Kilhuch son of Kelython win to wife Olwen, the daughter of Yspathaden Penkawr*” [11] (“The Wooing of Olwen”). Н. В. Шерешевская полноценно передаёт имена двух главных героев, но заменяет сложное имя антагониста (“*Yspathaden Penkawr*”) более понятным для читателя прозвищем, основанным на смысловом развитии: «В тот же день Килух женился на Олвен, дочери Великана-из-Великанов» [12]. Вполне вероятно, что некоторые имена в гэльском оригинале обладали конкретной семантикой, которая была утрачена при переводе на английский и, таким образом, не может быть воспроизведена в русском переводе.

Напоследок отметим умелое обращение Н. В. Шерешевской с прагматикой и стилем текста. Прозаическое повествование в сказке “Munachar and Manachar” организовано так, чтобы создавать определённый ритм, за счёт которого обеспечивается уникальная эстетика кельтской сказки, лёгкость её восприятия и запоминания, а также усиливается комический эффект: “*There once lived a Munachar and a Manachar, a long time ago, and it is a long time since it was, and if they were alive now they would not be alive then. They went out together to pick raspberries, and as many as Munachar used to pick Manachar used to eat. Munachar said he must go look for a rod to make a gad to hang Manachar, who ate his raspberries every one*” [11]. Можно сказать, что сказка изложена белым стихом, поскольку ударные и безударные слоги в ней чередуются в конкретной последовательности, благодаря чему внешне прозаический текст обладает стихотворным размером.

Как уже было упомянуто ранее, попытки максимально точно воспроизвести формальные признаки текста могут отрицательно сказаться на его читаемости. Однако в случае “Munachar и Manachar” пристальное внимание к форме, наоборот, необходимо для передачи оригинальной прагматики, эстетики и мелодичности. Н. В. Шерешевская вводит эпифору в конце предложений через окончания и суффиксы, благодаря чему в тексте появляется рифма («малину» – «хворостину» – «скотину», «набрал» – «съедал» – «сказал»); прибегает к повторам и параллельным конструкциям, которые также присутствуют в исходном тексте: «*Давным-давно жили на свете Мунахар и Манахар. Много воды утекло с тех пор. А коли сказано, что они жили давным-давно, стало быть, теперь их уж нет на белом свете. Мунахар и Манахар всегда ходили вместе рвать малину. Но сколько бы Мунахар ни набрал, Манахар все съедал. И Мунахар наконец сказал, что пойдет срежет хворостину, чтоб проучить негодную скотину: это он про Манахара, который съел всю его малину, всю до одной ягодки*» [12]. Н. В. Шерешевская не копирует структуру английского текста, но старается воспроизвести размер и, соответственно, мелодию сказки средствами русского языка. Это весьма удачная стратегия, благодаря которой читатель получает не только качественный русскоязычный текст, но и полноценное представление о художественных особенностях оригинала.

На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Лингвокультурная адаптация применяется в тех случаях, когда в восприятии текста реципиентами оригинала и перевода есть существенная лингвокультурная асимметрия.

2. Лингвокультурная адаптация приобретает особое значение в случае фольклорных сказок, которые обладают насыщенным национально-культурным колоритом и уникальной жанровой спецификой.

3. Поводом для лингвокультурной адаптации кельтских народных сказок становились их лексические и синтаксические особенности, имплицитные смыслы, безэквивалентная лексика (имена собственные, названия фантастических существ, гэльские реалии) и особое прагматическое воздействие.

4. Компромиссный подход В. Н. Шерешевской обладает неоспоримой эффективностью и потенциалом для дальнейшего использования при работе с фольклором; получатель перевода может адекватно воспринять сюжет и основную мысль произведения, одновременно знакомясь с иной культурой.

Список литературы

1. Латышев Л.К. Перевод : проблемы теории, практики и методики преподавания. – М. : Книга по Требованию, 2013. – 160 с.
2. Комиссаров В.Н. Новые тенденции в переводоведении // Информационно-коммуникативные аспекты перевода : Сборник науч. трудов. Часть I. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. – С. 62-77.
3. Сдобников В.В., Петрова О. В. Теория перевода : Учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков. – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – 306 с.
4. Тимко Н.В. К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе // Вестник ИГЛУ. – Иркутск : Издательство ИГЛУ, 2010. – №1. – С. 61-66.
5. Гончар, Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста : этнолингвокультурный аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, ТюмГУ, 2009. – 254 с.
6. Тимко Н. В. Основные проблемы лингвокультурной трансляции в процессе перевода : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2001. – 203 с.
7. Никонов В.М. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте // Проблемы культурной адаптации текста : Тезисы докладов междунар. науч. конф. – Воронеж : Русская словесность, 1999.
8. Гутов А.М., Паштова (Мижаева) М. М. К проблеме перевода адыгского фольклорного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-perevoda-adygskogo-folklornogo-teksta#ixzz45iNyuSK4> (дата обращения: 19.03.2021).
9. Гусев, В.Е. Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – С.-П. : Наука. Ленинградское отделение, 1967. – 320 с.
10. Костикова О. И. Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – №2. – С. 100-113.

Список источников

11. Шерешевская Н.В. Сказки ирландские и валлийские // М. : Гендальф, 1993. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=147308&p=1> (дата обращения: 21.04.2021).
12. Jacobs J. Celtic Fairy Tales // New York, London : G. P. Putnam's Sons, 1892. URL : <https://www.gutenberg.org/files/35862/35862-h/35862-h.html> (дата обращения: 21.04.2021).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-94:929:7-05

Дягилевский контекст «Поэмы без героя» А. Ахматовой

Бурдина Светлана Викторовна

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой русской литературы
Пермский государственный национальный исследовательский университет
РФ, Пермь
swburdina@rambler.ru

Деменева Анна Анатольевна

канд. филол. н., доцент кафедры русской литературы, Пермский государственный
национальный исследовательский университет, РФ, Пермь
anaimushina@mail.ru

Кондаков Борис Вадимович

д. филол. н., профессор, декан филологического факультета, Пермский
государственный национальный исследовательский университет, РФ, Пермь
kondakovbv@gmail.com

Context of Diaghilev in «Poem without a hero» by A. Akhmatova

Burdina Svetlana V.

PhD, Head of Russian Literature Department, Perm State University, Russia, Perm

Kondakov Boris V.

PhD, Dean of Philology faculty, Perm State University, Russia, Perm

Demeneva Anna A.

Docent of Russian literature Department, Perm State University, Russia, Perm

Аннотация. В статье выясняется особенность формирования дягилевского контекста в «Поэме без героя» А. Ахматовой. Анализируются присутствующие в поэме балетные и музыкальные образы и мотивы, реминисценции, связанные с Дягилевым, его постановками и его окружением. Особое внимание уделяется анализу вошедших в «Поэму без героя» образов балета «Петрушка», косвенно рассказывающего о судьбе артистов труппы и самого импресарио. Доказывается, что, обращаясь к знаковым для эпохи Серебряного века образам балетов дягилевской антрепризы, Ахматова – через узнаваемые кодовые символы культуры – стремилась показать глобальные противоречия времени и судьбу своего поколения.

Ключевые слова: поэма; балет; танец; контекст; образ; С. Дягилев; А. Ахматова.

Abstract. The article reveals the peculiarity of the formation of the Diaghilev context in the "Poem without a Hero" by A. Akhmatova. The author analyzes the ballet and musical images and motifs present in the poem, reminiscences associated with Diaghilev, his productions and his environment. Special attention is paid to the analysis of the images of the ballet "Petrushka" included in the "Poem without a Hero", which indirectly tells about

the fate of the troupe's artists and the impresario himself. It is proved that, referring to the iconic images of the ballets of Diaghilev's enterprise for the era of the Silver Age, Akhmatova – through recognizable code symbols of culture-sought to show the global contradictions of time and the fate of her generation.

Keywords. poem; ballet; dance; context; image; S. Diaghilev; A. Akhmatova.

«Поэма без героя», создававшаяся в период с 1940 по 1965 г., до настоящего времени остается одним из самых загадочных произведений русской литературы. Включенность поэмы в широкий контекст истории и культуры XX в. обуславливает появление противоречивых комментариев и интерпретаций. Т. Цивьян, характеризуя «Поэму без героя», отмечает, что она «представляет собой почти образец поэтики намеренного умножения смыслов, художественный синтез авторского письма обуславливает вариативные семантические интерпретации» [11, с. 255]. Именно поэтому текст поэмы, по мнению исследователя, не дает ее комментаторам возможности для однозначного отождествления художественных персонажей с реальными личностями.

Очевидно, что значение при интерпретации «Поэмы без героя» сложно переоценить; и особую роль в музыкальном контексте произведения играет образ Дягилева, одного из наиболее ярких представителей искусства первой половины XX в. Присутствие дягилевского «слоя» в тексте поэмы очевидно, и учитывать его при анализе столь непростого ахматовского произведения очень важно.

Танец был одной из важнейших универсалий культуры Серебряного века, поэтому нет ничего удивительно в том, что к балетным образам поэзии Ахматовой исследователи обращались неоднократно. Системное представление о роли балетных образов в «Поэме без героя» дает Ж. Нива в работе «Барочная поэма» [9]: «Связь “Поэмы без героя” с балетом очевидна: Коломбина десятых годов, Козлоногая (та, у порога которой совершает самоубийство “глупый мальчик”, не-герой); знаменитая балерина, “наш лебедь непостижимый”. Весь 1913 год, который поэт магическим и поэтическим заклинанием вызывает обратно к жизни, показан как балет, эфемерный спектакль, карнавал. Не только призраки, но и призраки в масках и в “застывшем навек хороводе”» [9, с. 99]. Выделение *танца* как ключевого символа поэмы указывает, по мысли исследователя, на «возможную дополнительную интерпретацию, основанную на первенстве танца в “Поэме без героя”» [9, с. 101]. Заметим, что о близости эстетической системы балетному искусству, на которую указывает Ж. Нива, многократно говорила и сама А. Ахматова, воспринимающая Поэму как «трагический балет».

Особый интерес представляет исследование В. Красовской «Балет сквозь литературу», в котором делается попытка переосмыслить некоторые традиционные представления о сценических образах «Поэмы без героя», в первую очередь это касается образов «арапчат» и «летающей Павловой» [7, с. 110]. Происхождение этих театральных образов Поэмы исследователь связывает с историей антрепризы Дягилева.

Большинство комментаторов поэмы относят образы арапчат, появляющиеся в ремарке ко второй главе и непосредственно в тексте поэмы («За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель»; «Видишь, там, за вьюгой крупчатой / Мейерхольдовы арапчата / Затевают опять возню...»), к балету «Дон Жуан» В. Мейерхольда, однако, по версии В. Красовской, образы арапчат восходят к спектаклю «Павильон Армиды» – балету антрепризы Дягилева [7, с. 112]. По воспоминаниям М. Фокина, в «Павильоне Армиды», посреди красочных персонажей XVII в. из люков поднимались на сцену группы арапчат «в белых костюмах, белых чалмах, с громадными белыми опахалами из страусовых перьев <...> и с высоких табуретов “сыпались” через всех участвующих и ложились на пол» [13, с. 106–107]. В. Красовская считает, что в поэтическом видении А. Ахматовой арапчата «Дон Жуана» контаминировались с «сыплющимися» белоснежными арапчатами «Павильона Армиды», – чтобы воскреснуть через пропасть лет в образе «вьюги крупчатой», – обобщенном образе петербургской сцены и, шире, – всего тогдашнего бытия на обрыве» [7, с. 113].

Образ же А. Павловой, что «...летит, улыбаясь мнимо...», восходит, по мысли исследователя, к рекламному постеру В. Серова, на котором художник изобразил невесомость полета Сильфиды-Павловой в «Шопениане», поставленной М. Фокиным (в дягилевской антрепризе – балет «Сильфида»). Косвенным подтверждением этой мысли являются и несколько раз упомянутые в набросках ахматовского либретто «бабочкины крылышки» – деталь, которая также может быть отнесена к образу Анны Павловой в роли Сильфиды на портрете В. Серова [5, с. 129].

К творческим проектам С. Дягилева Ахматова всегда относилась с особым интересом и вниманием. Упоминания С. Дягилева, артистов его антрепризы появляются в тексте поэмы неоднократно: непосредственно – в прозе к поэме, опосредованно – через театральные образы антрепризы «Русские сезоны» и отдельные приметы времени – в самой Поэме.

Выстраивая художественно свою биографию, А. Ахматова нередко подчеркивала сопричастность собственной судьбы всему, что было так или иначе

связано с Дягилевым: «Биография героини (полу-Ольга, – полу-Т. Вечеслова) записана в одной из моих записных книжек – там балетная школа (Т.В.), полонез с Нижинским, Дягилев, Париж, Москва...» [1, с. 231]. Завершая работу над поэмой, А. Ахматова пишет: «Это огромная, траурная мрачная, как туча – симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т. е. обо всем, что нас постигло...» [1, с. 240]. И среди современников, находящихся в «первом ряду», упоминая тех, кто сотрудничал с Дягилевым, отмечает: «Стравинский, Шаляпин, Павлова – слава. Нижинский – безумие <...>» [1, с. 240].

Сохранилось свидетельство о стремлении А. Ахматовой к сотрудничеству с Дягилевым. В 1921 г. по просьбе ее друга А. Лурье она работала над текстом либретто к балету по мотивам «Снежной маски» А. Блока. В списке Л. Большинцовой-Стенич, по мнению современных исследователей, рукой хозяйки списка в текст вписано имя А. Лурье: «А во сне все казалось, что это / Я пишу для кого-то [Артура] либретто, / И отбоя от музыки нет...» [6, с. 740]. О том, что свое либретто Ахматова создавала для Дягилева, сохранилось свидетельство К. Чуковского (запись в дневнике от 24 декабря 1921 г.): «Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже» [12, с. 184]. Исследователь И. Грэм относит «Третье посвящение» в поэме к Артуру Лурье, активно сотрудничавшему с Дягилевым [4, с. 254].

В тексте поэмы художественно были воссозданы образы сотрудников антрепризы С. Дягилева: Ф. Шаляпина, А. Павловой («не то Царскосельский лебедь, не то Анна Павлова»); «сказочной» Т. Карсавиной, танцующей на зеркале; В. Нижинского и И. Стравинского. В набросках балетного либретто цитируются портреты с их изображением: «В окна “Бюро Добычиной” смотрят ожившие портреты: Шаляпин в шубе, <...> А. Павлова — лебедь, Тамара Карсавина <...> молодой Стравинский» [1, с. 263].

Таким образом, факт притягательности для А. Ахматовой фигуры Дягилева очевиден. С его именем, а также с именами сотрудничавших с ним деятелей искусства в ее автобиографических заметках связаны темы известности и мировой славы. Художественно значимой оказывается для Ахматовой и маркировка собственного жизнеописания через причастность к близкому окружению Дягилева.

Одним из центральных образов поэмы является образ *танцовщицы – куклы – балерины*. Упомянутый в либретто «банальнейший танец Коломбины, Арлекина и Пьеро», относимый большинством исследователей по партии О. Глебовой-Судейкиной к репертуару Литейного театра, был весьма популярен в те годы. Нечто

подобное ставил Мейерхольд в «Доме интермедий» на Галерной, Таиров – в Свободном театре <...> Во многих разновидностях балетных Коломбин блистала Карсавина – и на Мариинской сцене, и в Парижских сезонах Дягилева [7, с. 108].

Образ танцовщицы, наделяемый в некоторых поэтических характеристиках автобиографическими чертами, воспринимается символически. В нем присутствует и архетипический контекст, и более поздние культурные контексты легендарных судеб балетных прим, и намек на особое влияние балерин на наследников российского престола, например на историю отношений Николая II и М. Кшесинской. В культурной памяти, несомненно, возникает и пушкинский контекст, – образ царствующей на балах Натальи Гончаровой.

С 1958 г. по 1961 г. А. Ахматова работала над балетным либретто по мотивам первой части поэмы. Одновременно с либретто в эти же годы ею создаются прозаические заставки и расширенные ремарки, «Проза к балету». Замысел вышеупомянутого либретто первоначально был связан с памятью об утраченном тексте либретто балета «Снежная маска», написанном А. Ахматовой по просьбе А. Лурье.

Идея создания театрализованной версии «Поэмы без героя», как можно судить, была особенно дорога Ахматовой. Она мечтала о произведении особого жанра, существующего на стыке различных видов и форм искусства – поэзии и прозы, музыки, пения и танца, – идущего от традиции театров 1910-х гг., и одновременно новаторского, в котором главенствующую роль будет играть Слово. В театрализованную редакцию поэмы Ахматова предполагала включить, помимо театральных дивертисментов, также сольные голоса и хор, использовать приемы кинематографа.

Помимо отдельных узнаваемых сценических образов, в поэме возникают и многие другие, характерные для культуры модерна и актуальные для Дягилевского текста. Связь жизни с театром – одна из важнейших тем искусства Серебряного века. В тексте поэмы А. Ахматовой размышления о реальности передаются через сценические образы. Помимо конкретных отсылок к «карнавальным местам» и «карнавальным временам» в поэме отразилась сама «эпоха 1913 года» с ее перфомансом, подменой означаемого означающим, театрализованным бытовым поведением и устремленностью к мифологизации реальности. Таким образом А. Ахматова стремилась воссоздать сильнейшее и – по мысли поэта – пагубное влияние театральной эстетики на ценности поколения. Первая часть поэмы рассказывает о петербургской жизни 1913 г. как «адской арлекиниаде», «маскарадной

игре». Русская культура, искушенная яркой европейской образностью, тянулась к внешней бутафории, пышности и условности, компенсируя тем самым отход от собственных традиций. Потерю сущности, внутреннюю пустоту времени скрывали стилизации европейской образности, притягательные своей новизной и декоративной утонченностью.

Особую популярность в эпоху модерна приобрели традиционные европейские театральные образы, обладавшие яркой стилистической выразительностью, связанной, например, с комедией dell'arte, в которой действие интерпретируется как прикосновение к миру «невидимых сил», «демонов и фей».

Маскарад – центральный образ первой части «Поэмы без героя» – навеян лицедейством эпохи: «Посмотри туда – он начинается, наш кроваво-черный карнавал» [1, с. 336], – обращается А. Ахматова к подруге детства и юности В. Срезневской. Здесь и воспоминание о Париже: «В 1910 г., когда мы жили на rue Bonaparte, 10, как-то рано утром я была разбужена звуками какой-то странной музыки. Выглянула в окно и увидела в узкой древней улице средневековую процессию: рыцарей, пажей, дам. Музыканты играли на древних инструментах, развевались знамена. В первую минуту я подумала, что брежу. В самом же деле это были участники ежегодного бала художников» [1, с. 423]. Здесь и отсылка к балету «Карнавал», вошедшему в 1910 г. в антрепризу Дягилева. Образы излюбленной дельартовской тройцы – Пьеро, Коломбины, Арлекина – в «Карнавале» как бы «преломлялись» сквозь призмы предшествующих культурных эпох. Мечтательно отстраненный, чуть лукавый Пьеро (первое исполнение пантомимы В. Мейерхольдом), нарядная игривая Коломбина (Т. Карсавина) и легкий, как пламя свечи, Арлекин (В. Нижинский) составили главное очарование «Карнавала».

Еще одно обращение к итальянским традициям – постановка «Пульчинеллы», которая была задумана С. Дягилевым как балет-реставрация. Из сборника старинных сценариев dell'arte был заимствован сюжет о неунывающем неаполитанском весельчаке – Пульчинелле.

В образах кукол русского балагана в балете «Петрушка», премьера которого состоялась в 1911 г., также просвечивали маски традиционной итальянской комедии: Коломбина угадывалась в механической глупой красавице-балерине, Арлекин – в удачливом и чванливом Арапе. Страшная метаморфоза происходит с Петрушкой – русским Арлекином: маска страдающего Пьеро оказывается его сутью.

Художественные образы балета «Петрушка» вошли в текст «Поэмы без героя», что отмечалось рядом исследователей.

В работе «О происхождении двух образов народного театра в “Поэме без героя” А. Ахматовой» Н. Тропкина, отмечая обращение поэмы к традициям фольклорного театра (важным и для «Петрушки»), указала на параллелизм строк, расположенных в разных главах «Петербургской повести»:

Из-за ширм Петрушкина маска,
Вдруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг.

<...>

И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнь бил барабан...[10, с. 115].

Д. Лихачев узнал в «питерщике и гуляке» традиционную фигуру петербургских маслениц – «балаганного деда» [8, с. 226]. Балаганный дед – персонаж первой картины «Петрушки» – наделен собственным лейтмотивным звучанием. Таким образом, и «бой барабана» может быть связан с темами балета И. Стравинского: барабанное соло не только предшествует появлению фокусника с куклами, но и звучит в промежутках между картинами балета, заменяя традиционные паузы [3, с. 204].

В поэме А. Ахматовой, по мнению Б. Каца и Р. Тименчика, есть еще две отсылки к балету И. Стравинского. «Героиня поэмы, как и героиня “Петрушки”, – балерина, причем она, как и у И. Стравинского, – балерина-кукла:

Что глядишь ты так смутно и зорко:
Петербургская кукла, актерка...»

[3, с. 204].

Вторая отсылка – фонетическое сближение слов «крик петуший» с важнейшим лейтмотивом балета – «криком Петрушки» [3, с. 205].

Н. Крайнева прочитывает строки «У правой кулис<ы> – край полосатой сол<датской> будки» как цитату из восстановленного в 1961 г. балета «Петрушка»; в сценографии А. Бенуа у правой кулисы находилась полосатая солдатская будка с часовым возле нее [6, с. 161].

Таким образом, включение в поэму сценических образов «Петрушки», балета антрепризы Дягилева, косвенно рассказывающего о судьбе артистов труппы и самого

импресарио, также направлено на формирование особого Дягилевского контекста произведения.

Обратимся к истории создания балета, чтобы понять, насколько велика была роль биографического контекста, связанного с именем Дягилева, для его художественного содержания.

Замысел «Петрушки» возник летом 1910 г. А. Бенуа получил письмо от Дягилева, в котором тот рассказывал о новом сочинении И. Стравинского: «русский танец» и еще «нечто», названное ими совместно «Криком Петрушки». Дягилев предложил А. Бенуа создать сценарий балета, и тот согласился. В набросках сценария рассказывалось о безнадежной любви куклы-Петрушки к кукле-Балерине и о гибели Петрушки от руки соперника-Арапа. Действие попеременно разворачивалось на масленичном гулянии и в театрике Фокусника.

Сценарий и музыка «Петрушки» создавались почти одновременно, но отличались авторским замыслом. Для А. Бенуа масленичные балаганы и представления театра кукол ассоциировались с детскими впечатлениями. Петрушка был для художника «олицетворением всего, что есть в человеке одухотворенного и страдающего» [2, с. 515]. По сценарию А. Бенуа, причина всех злоключений Петрушки – чародей-Фокусник, дерзнувший вложить в свои игрушки душу и разум. Мучитель Петрушки, он заставляет его кривляться на арене, его портрету – единственному предмету в холодной и пустой комнате – посылает Петрушка свои проклятия. Фокуснику грозит «освобожденный от телесных уз», «подлинный» Петрушка, появившись после своей гибели в «чудесном преображении над театриком» [2, с. 516].

Музыка И. Стравинского не всегда следует за замыслом сценариста. Для него Петрушка – неистовый плясун, который темпом своего танца изматывает оркестр, вступает с ним в схватку и изнемогает от усталости. В музыке «Петрушки» звучит тема одиночества, непонятости, бессилия. И. Стравинский дает отрицательные характеристики всем остальным персонажам. «Народные персонажи», данные в интерпретации А. Бенуа, противоположны «толпе» в интерпретации И. Стравинского, за живым движением которой, за ее праздничностью, возникает страшный образ сытого равнодушия.

М. Фокин в своей хореографии исходил из трактовки И. Стравинского, но при этом по-своему углубил замысел композитора. Симпатии М. Фокина отданы Петрушке, но Петрушка – несчастное, забитое, запуганное существо, он выше всех окружающих своей тоской одиночества, сознанием своего бессилия, желанием вырваться из холодных застенков тюрьмы [13, с. 287].

Еще одним автором образа главного персонажа «Петрушки» можно считать В. Нижинского. Многим были предельно ясны субъективные моменты этого почти «биографического» для танцовщика балета. Есть мемуарные свидетельства увлеченности В. Нижинского Т. Карсавиной, исполнившей роль Балерины. Образ Фокусника, во власти которого всецело находится Петрушка, современники неизменно соотносили с фигурой самого импресарио Дягилева, от которого полностью зависел Нижинский после своего увольнения из Мариинского театра в 1911 г. И Нижинский – Петрушка находится во власти таинственного Фокусника не только на сцене, но и за кулисами – в жизни, и нигде не может укрыться от его пристального взгляда (заболев, Нижинский будет бесконечно рисовать пугающе открытые глаза). Петрушка – олицетворение судьбы самого В. Нижинского; не случайно именно в этом образе был увековечен танцор на месте своего упокоения.

Известно, что Дягилев, пытаясь вызволить Нижинского из плена безумия, в 1929 г., сам уже безнадежно больной, привез Нижинского именно на представление «Петрушки».

Можно предположить, что отношения Дягилева и Нижинского отразились в поэме через сюжетный и образный параллелизм с рассказанной в ней историей гибели несчастного юноши, который состоял в отношениях с одним из знаковых для эпохи персонажем – поэтом М. Кузминым. Таким способом А. Ахматова подчеркивала вину идеологов, кумиров молодежи, их ответственность за судьбы тех, кто оказался под их влиянием. Она указывает на причастность М. Кузмина к гибели поэта, наделяя в разных редакциях поэмы общей характеристикой («человек без лица и названья») М. Кузмина и спутника возлюбленной поэта. Гибель Петрушки, по мысли А. Бенуа, автора либретто балета, столь же прямо обусловлена присутствием в его жизни Фокусника. И М. Кузмин, и Фокусник – косвенные участники трагедии, их истинная роль в ней остается тайной.

Раздумье о судьбе поколения в «Поэме без героя» позволяет автору поставить вопрос об ответственности творческой личности перед историей. В этой связи А. Ахматова размышляет, например, о Блоке, о его роли в судьбе поколения, характеризуя поэта как «человека-эпоху» (А. Ахматова). Содержащиеся в поэме реминисценции из балета «Петрушка» позволяют отнести Дягилева к категории подобного рода персонажей.

За поэтичностью создававшихся символистами мифов, о Софии – у Владимира Соловьева, о Дионисе – у Вячеслава Иванова, о Прекрасной Даме – у Блока, о недотыкомке – у Федора Сологуба, – скрывался трагический конфликт культуры и

природы, «разлом» эпохи, стоящий за пошлыми формами повседневности. Эстетика модернизма, связанная с предельным напряжением, взрывом, идеалистическими исканиями, уводила человека от земного начала. Трансформация реальности, человеческих отношений, быта в «предельные» форматы имела негативные последствия.

Таким образом, можно говорить о символичности образов балетов дягилевской антрепризы для культуры Серебряного века. Используя эти образы, А. Ахматова передает мироощущение современников и обозначает многие ключевые проблемы жизни своего поколения. Исходя из этого, вполне возможно предположить, что линия отсутствующего героя поэмы, связываемая некоторыми исследователями с именем М. Кузмина, может косвенно быть отнесена и к фигуре С. Дягилева. Оценка А. Ахматовой этих героев имеет негативную окраску, ведь размытые границы нравственных ориентиров, вседозволенность, проповедуемая кумирами эпохи, неизбежно приводят к трагической развязке.

В поэме А. Ахматова через узнаваемые кодовые символы культуры передала глобальные противоречия. Дягилевский контекст ее поэмы обретал черты эпохального мифа, содержание которого ассоциативно связывалось с актуальными для ее современников размышлениями, с одной стороны, о роли творческой личности в развитии общества, с другой же – о значении духовного рабства и идеологической порабощенности для судеб людей XX в.

Список литературы

1. Ахматова А. Амадео Модильяни / Ахматова А. // Четки. Anno Domini. Поэма без героя. — М.: ОЛМА-ПРЕСС — 2005. — С. 435–441.
2. Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн., Кн. 4, 5 / А. Бенуа. — М.: Наука, 1990. — 743 с.
3. Кац Б.А., Тименчик Р.Д. Ахматова и музыка: Исследовательские очерки / Б.А. Кац, Р.Д. Тименчик. — Л.: Советский композитор, 1989. — 336 с.
4. Коваленко С.А. Анна Ахматова / Коваленко С.А. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 344 с.
5. Крайнева Н.И. К творческой истории «Поэмы без Героя» / Н.И. Крайнева // «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории. — СПб: Издательский дом «Мирь», 2009 — С. 13–163.
6. Крайнева Н.И., Тамонцева Ю.В., Филатова О.Д. История издания и проблемы публикации «Поэмы без Героя» / Н.И. Крайнева, Ю.В. Тамонцева, О.Д. Филатова // «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто. Материалы к творческой истории. — СПб: Издательский дом «Мирь», 2009. — С. 670–799.
7. Красовская В.М. Балет сквозь литературу / В. Красовская. — СПб: Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, 2005. — 417 с.

8. Лихачев Д.С. Ахматова и Гоголь / Д.С. Лихачев // Традиция в истории культуры. — М.: Наука, 1978. — С. 223-227.
9. Нива Ж. Барочная поэма / Ж. Нива // Ахматовский сборник 1. — Париж: Институт славяноведения, 1989. — С. 99-109.
10. Тропкина Н.Е. О происхождении двух образов народного театра в «Поэме без героя» А. Ахматовой / Н.Е. Тропкина // Русская литература и фольклорная традиция: Сборник научных трудов — Волгоград, 1983. — С. 112-118.
11. Цивьян Т. В. Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» / Т. В. Цивьян // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1971. — Т. 5. — С. 255-277.
12. Чуковский К. Дневник. 1901-1929 / К. Чуковский. — М., 1997. — 560 с.
13. Фокин М. М. Против течения: Воспоминания балетмейстера. Сценарии и замыслы балетов. Статьи, интервью и письма / М.М. Фокин. — Л.: Искусство, 1981. — 510 с.
14. Топоров В. Ахматова и Блок: к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой / В. Топоров — Berkeley Slavic Specialties, 1981. — 202 с.

Список источников

15. Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 тт., Т. 3. / А. Ахматова. — М.: Эллис Лак, 1998. — 768 с.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

К вопросу о системах имен в рассказах В.В. Набокова (на материале рассказов «Рождество», «Оповещение», «Рождественский рассказ»)

Ковалев Борис Вадимович

Исследователь Филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного
Университета, РФ, г.Санкт-Петербург
bvkovalev@yandex.ru

To the question about name systems in the stories of V.V. Nabokov ("Christmas", "Announcement", "Christmas Story")

Kovalev Boris Vadimovich

Research assistant at the Philological Faculty of St. Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье анализируется семантика имен персонажей в рассказах В.В. Набокова «Рождество», «Оповещение» и «Рождественский рассказ». Особое внимание уделяется изучению номинаций как системы. Сравниваются два определения понятия «система» и на этой основе формируется оппозиция «порядок» vs «структура». Критериями понимания системы как структуры становятся однородность на формальном и тематическом уровнях, выполнение одних и тех же функций, взаимозависимость и взаимообусловленность номинаций в рамках текста в различных аспектах. В этой связи анализируются системы имен в «Рождестве», «Оповещении» и «Рождественском рассказе». На основании подробного разбора номинаций героев выше названных рассказов по двум параметрам (механизму реализации транстекстуальных связей и методу формулирования) делается ряд выводов, ключевыми из которых являются следующие: функционирование имен собственных персонажей в системе мотивируется тематикой текста, предполагающей многочисленные и продуктивные параллели и связи с внетекстовой реальностью; стоит разделять героев на подгруппы по степени их важности и частотности появления; связь между объемом текста и степенью важности роли системы имен персонажей обратно пропорциональная: значение имен тем выше, чем меньше количество персонажей.

Ключевые слова. Набоков, семантика имен, система персонажей, имя собственное, структура текста

Abstract. The article analyzes the semantics of the names of the characters in the stories of VV Nabokov "Christmas", "Announcement" and "Christmas story". Particular attention is paid to the study of nominations as a system. Two definitions of the concept of "system" are compared and on this basis the opposition "order" vs "structure" is formed. The criteria for understanding the system as a structure are homogeneity at the formal and thematic levels, the performance of the same functions, the interdependence and interdependence of nominations within the text in various aspects. In this regard, the naming systems in "Christmas", "Announcement" and "Christmas Story" are analyzed. On the basis of a detailed analysis of the nominations of the heroes of the above-mentioned

stories in two parameters (the mechanism for the implementation of transtextual connections and the method of formulation), a number of conclusions are made, the key ones of which are the following: the functioning of the names of proper characters in the system is motivated by the topic of the text, which implies numerous and productive parallels and connections with the extra-textual reality; it is worth dividing the heroes into subgroups according to the degree of their importance and frequency of appearance; the relationship between the volume of the text and the degree of importance of the role of the character naming system is inversely proportional: the meaning of the names is the higher, the smaller the number of characters.

Keywords. Nabokov, semantics of names, character system, proper name, text structure

Выполнено при поддержке гранта «Литературные тексты и их язык vs количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал): 2021 г. ID: 72828386»

В толковом словаре Кузнецова можно встретить несколько определений понятия «система», ключевыми из которых представляются следующие. В первом случае, система — это «определённый порядок, основанный на взаимной связи, объединении частей чего-либо» [2]. Такова система в широком смысле. Говоря о системе имен в этом случае, мы имеем в виду, что в рамках некоего рассказа встречается набор персонажей, обладающих собственными номинациями и эти номинации представляют собой систему на том основании, что персонажам этого рассказа свойственно иметь какие-либо имена. Второе определение: «Система — это устройство, структура, представляющие собой единство закономерно расположенных, взаимно связанных частей» [2]. Ключевыми характеристиками этой дефиниции являются «структура» и «единство». В этом случае система имен понимается более узко — номинации объединены в цельный конструкт, при этом все его элементы более или менее однородны на формальном и тематическом уровнях, выполняют одни и те же функции и служат одним и тем же авторским целям и задачам.

Представителей первой группы много: таковы системы имен в «Подлеце», где имена собственные рациональнее объединить попарно по методу их формулирования, функциям и способам реализации транстекстуальной связи [5, с. 170]; в «Лебеде», где общая нейтральность имен собственных сочетается с частными автобиографическими мотивами — образуется своего рода порядок, но не структура; в «Звонке», где за могучей фигурой Николая Степаныча Галатова, в которой без труда угадываются черты Гумилева, этого поэта мужества, по словам Набокова [7], выстраивается ряд нейтральнейших и скучных имен, не отсылающих ни к какому

прототипу, – имеет место функциональный, тематический и интертекстуальный разнобой, имена разъединены и разрознены и проч.

Однако не менее примечательны и системы имен второй категории. И цель нашего исследования – показать, как по-разному могут функционировать имена собственные в некоторых рассказах В.В. Набокова, номинации, работающие как системы, подчиненные определенным функциональным программам, объединённые формально, стилистически и тематически.

Наиболее известный текст-репрезентант подобного подхода к системе имен – роман «Истинная жизнь Севастьяна Найта» (1940). В основе структуры лежит аналогия с шахматной партией – и имена главных героев соответствует ключевым фигурам: фамилия Севастьяна Найта (англ. Knight) означает «шахматный конь», фамилия его подруги – Бишоп (англ. Bishop) – «шахматный слон»), роковой любви – Лесерф (ферзь) [8]. Это наиболее популярный пример, который уместно использовать для ясной и показательной иллюстрации того, чем является система имен, когда мы понимаем ее как структуру. В действительности же иметь дело с романом, рассуждая о подобного рода вещах, намного сложнее, чем с рассказом. Во-первых, в романе, как правило, фигурирует больше персонажей. Выстраивать имена всех героев большого текста на один манер – шаг концептуальный, но рискованный: прием может стать выхолощенным и плоским еще до окончания романа. В той же «Истинной жизни Севастьяна Найта» отнюдь не все герои подчинены шахматной логике на уровне имен – только ряд первостепенных героев, находящихся «в орбите» Севастьяна Найта. Во-вторых, роман несоизмеримо длиннее рассказа, а системный подход к организации номинаций в тексте требует определенного концентрирования образов и персонажей (что мы увидим при разборе рассказов Набокова). Структурность имен в малой форме попросту более эффективна, поскольку позволяет ярко и четко эксплицировать ключевые характеристики персонажей, не размывая их по тексту. Рассмотрим несколько русскоязычных рассказов Набокова, чтобы выяснить, как он работает с замкнутыми и цельными системами имен.

В коротком рассказе «Рождество» (1925; Руль) фигурируют четыре персонажа. Охарактеризуем их с формальной точки зрения: один носит имя, но при этом без фамилии (лакей Иван), второй – с фамилией, но без имени (Слепцов), а имена его сына и таинственной «моей радости», по которой тот тосковал, в рассказе и вовсе не употребляются. Каждая номинация здесь, как минимум, неполная, однако

имеющиеся элементы — единообразны. Отсутствие имен у героев мотивировано христологической тематикой «Рождества».

При всей неоднозначности и сложности вопроса о религиозных предпочтениях Набокова, нельзя отрицать его интерес к подобному спектру тем в определенный период творчества. Он описывает «период, продолжавшийся далеко за двадцатый год, некоего частного ретроспективно-ностальгического кураторства, а также стремления развить византийскую образность (некоторые читатели ошибочно усматривали в этом интерес к религии — интерес, который для меня ограничивался литературной стилизацией» [3, с. 343]. «Рождество» относится именно к этому периоду, поэтому мы считаем правомерным разговор об уместности анализа христианского аспекта в рамках разбора системы имен в «Рождестве».

Имена персонажей — неполные, номинация главного героя регулярно заменяется местоимением «он». Его же традиционно используют для обозначения Бога. Б. Ковалев и В. Пугач замечают: «Образ сына Слепцова, таким образом, становится христологичным, а образ отца — божественен (в ветхозаветном понимании Бога). Происходит инверсия, Бог-сын не рождается, а умирает» [5, с. 174]. Если принимать во внимание автобиографическую концепцию восприятия образа сына, то можно обнаружить еще одну типичную набоковскую тему — потерянного рая. Смерть мальчика предвещает скорую смерть всего «старого мира», метафорой которой выступает зачехленная мебель в доме Слепцовых и занесенные снегом лес и кладбище. Слепцов ощущает это, но не видит. «Слепо сиял церковный крест», — образы Слепцова и церкви связаны: они не видят будущего. Это ощущение подчеркивается посредством акустических и музыкальных образов [6]. Единственное, что может дать Слепцову надежду, — вылупившаяся бабочка — то живое, что осталось от его сына.

В рамках христианской интерпретации стоит трактовать и номинацию лакея — единственное имя в рассказе — Иван. Возможны два варианта: «Иван» — это и подчеркнута типичное имя для мужика, и имя пророка Иоанна, возвещавшего о приходе Мессии. Противоречия нет: учитывая сниженность всего сакрального в «Рождестве» («Рождество бабочки», «слепота» церкви, герой забывает о празднике), пророк-лакей выглядит вполне уместным. О пророческой функции Ивана свидетельствует и тот факт, что именно лакей напоминает Слепцову о Рождестве: «Праздничек завтра» [9, с. 187].

Объединенные христианской тематикой и формальным исполнением (неполнотой формулирования имен, также с этой тематикой связанной), номинации в «Рождестве» образуют цельную структуру.

Разработка инверсии «рождение — смерть» на фоне христианской образности характерна также и для еще одного набоковского текста, представляющего для нас интерес с точки зрения системы имен героев, — рассказа «Оповещение» (1935).

Сюжет рассказа прост; экспозиция, выполненная Набоковым в лаконичной манере гоголевского «Ревизора», обрисовывается в первом предложении: «У Евгении Исаковны, старенькой, небольшого формата дамы, носившей только черное, накануне умер сын». [9, с. 389]. Далее на протяжении всего рассказа друзья Евгении Исаковны не решаются оповестить ее о смерти ребенка. Роковые слова («Да что там в самом деле, — умер, умер, умер!» [9, с. 394]) произносятся в самом конце рассказа.

В нем фигурируют шестнадцать персонажей. Семеро из них — пианистка, карлица, Липштейн, чета Оршанских, Елена Григорьевна и Томкина — выступают своего рода фоном, они наполняют социальное пространство текста, сообщая ему объем. По механизму реализации транстекстуальных связей эти номинации нольшаговые, они не отсылают ни к одному объекту вне текста; с точки зрения метода формулирования, эти имена носят сугубо нейтральный характер. Номинации остальных девяти персонажей, занимающих более важное место в рассказе, отличаются как функциональным, так и стилистическим единством. В этом смысле случай «Оповещения» похож на «Истинную жизнь Севастьяна Найта» — в силу большого количества персонажей только группа первостепенных героев представляет собой структурированную номинологическую систему. Рассмотрим представителей этой группы.

Главная героиня рассказа — Евгения Исаковна, потерявшая сына. Оба элемента номинации (как имя, так и отчество) обладают семантической нагрузкой. Однако если к уместности педалирования значения имени «Евгения» (греч. «благородная») могут возникнуть вопросы, хотя, безусловно, на основании текста можно говорить о достоинстве и выдержке этой героини, то актуальность анализа отчества не вызывает сомнений. Оно отсылает к имени библейского Исаака, которого отец его, Авраам, по велению Бога должен был принести в жертву (Быт. 22:1-17). Налицо мотив потери ребенка и сопряженный с образом Исаака ореол «сыновней потери» — не состоявшейся в Ветхом Завете, но имевшей место в «Оповещении». Вновь отметим очередную набоковскую инверсию: Исаак как семантический элемент, ассоциирующийся с образом сына, дается Набоковым в отчестве матери потерянного

ребенка. Таким образом, имя этой героини по механизму реализации транстекстуальной связи одношаговое, а по методу формулирования — имя-ключ, поскольку один из элементов является выразителем семантики обретения и потери сына.

Имя же этого сына — Михаил. В тексте он не назван полным именем, встречаются только вхождения «Миша» и «Мишук» — диминутивные формы [4]. Так описывается в тексте его кончина: «Фабрикант, у которого с осени служил Миша, сообщал, что бедный молодой человек упал в пролет лифта с верхней площадки, — и еще после этого мучился сорок минут, был без сознания, но ужасно и непрерывно стонал — до самого конца» [9, с. 390]. С образом Михаила связан мотив падения. Принимая во внимание специфику тематики рассказа и набоковскую инвертированность сакральных образов, нельзя не сравнить его образ с архангелом Михаилом. В Откровении сказано: «Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали [против них], но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7-9). Михаил низвергает десятирогого дракона, «побивает сатану» — у Набокова же несчастный сын героини сам падает в шахту лифта. Отметим, что и здесь имеет место мотив гибели ребенка: ибо архангел Михаил вступает в сражение со змеем во имя спасения Жены, облаченной в солнце, и ее младенца (Откр. 12:4-7). В «Оповещении» же сын, к тому же носящий имя Михаила, гибнет. Один образ у Набокова сочетает элементы двух различных, но объединенных той же историей и мотивной структурой персонажей.

Нельзя не сказать и об инверсии «рождение — смерть», связанной с образом сына Евгении Исаковны. Парадоксальность повествования «Оповещения» в том, что в рассказе описывается не сама смерть и реакция на нее, но скорее рождение смерти, вести о ней. Герои никак не могут сообщить Евгении Исаковне о гибели ее сына. Однако в конце концов весть, которую нельзя назвать благой, ее настигает. Образ Михаила (происх. от др.-евр. מִיכָאֵל, — «Кто как Бог?») можно также назвать христологическим, весть не о рождестве, а о смерти (падении — вознесении наоборот) которого приносят друзья Евгении Исаковны. В этом смысле символично появление в тексте персонажа с номинацией Мария Осиповна, в имени которой заключены и Мария, и Иосиф.

Имена группы персонажей вокруг главной героини также связаны с семантикой жертвы и потери. Фамилия Шуф, четы, появляющейся в тексте, с идиша

переводится как «овца», об употреблении которой в качестве жертвы едва ли стоит говорить. Их имена (неполные) по механизму реализации – одношаговые этимологические, по методу формулирования – имена-ключи.

Небольшой подгруппой внутри группы первостепенных персонажей выделяются персонажи, чьи имена выражают черноту, тьму, на номинологическом уровне характеризую ситуацию, олицетворяя присутствие смерти в тексте. Это фрау Шварц (нем. «черный») и супружеская пара Чернобыльских. С Борисом Львовичем Чернобыльским связано и назначение Михаила на работу, которая привела к его смерти: «Бедный, бедный Мишук, бедный мальчик, двадцать три года, вся жизнь впереди... Главное — я же советовал, я же его устроил, — подумать, что если б он в этот паршивый Париж...» [9, с. 391]. Механизм реализации транстекстуальных связей также одношаговый этимологический, метод формулирования – имена-ключи, характеризующие ситуацию.

Отдельного упоминания достойна и Ида Самойловна, чей первый муж Владимир Маркович «умер один, ночью, в поезде, от сердца» [9, с. 391]. Семантика ранней потери мужа связана только с одной из знаменитых Ид – Идой Герцфельдской, первой святой Вестфалии. Из контекста мы узнаем, что набоковская Ида вновь вышла замуж, вестфальская святая же после смерти супруга поселилась прямо под стеной церкви над могилой усопшего [11]. Мы не считаем это сопоставление достаточно убедительным, однако уверены, что внимания достойна каждая номинация в тексте — скорее всего, номинацию этой героини следует отнести к нейтральной по методу формулирования и нольшаговой по методу реализации транстекстуальных связей. Имя Самуил, фигурирующее в отчестве, также не находит соответствий ни с библейским пророком Самуилом, ни с прочими известными Самуилами.

Таким образом, мы увидели, что в «Оповещении», несмотря на «густонаселенность» этого рассказа, имена основной группы героев функционируют в особой системе, стилистически, тематически и функционально взаимопроникнутой и взаимообусловленной. Мотивы смерти, потери (сына и мужа), инверсия рождения и смерти мотивируют использование специфических номинаций, направленных на создание цельной структуры. Имя в «Оповещении» становится важным приемом, тонкий и точный выбор которого со стороны автора способствует созданию единой образно-тематической структуры рассказа.

Третьим текстом, в котором система имен представлена наиболее цельно и плотно, является «Рождественский рассказ» (1928; Руль). По объему он не

превосходит «Оповещение» (оба в цитируемом нами издании полного собрания рассказов В. В. Набокова занимают пять полных страниц), однако «населен» он значительно меньшим количеством персонажей. Их в тексте трое: начинающий писатель Антон Голый («безжалостно освещенный лампой, молодой, толстолицый, в косоворотке под черным пиджаком»), «маститый» писатель Дмитрий Дмитриевич Новодворцев («В крупном пенсне, чрезвычайно лобастый, с двумя полосками редких темных волос» [9, с. 269]) и безымянный критик, которого Набоков награждает ироничным определением «пестун». Кроме того, упоминаются еще два фоновых героя – литератор Неверов (очевидно, соперник Новодворцева: «К нему, а не к Неверову привели его [Голого]» [9, с. 270]) и Туманов – герой «Граней», лучшего текста Новодворцева.

Номинации Антона Голого и Дмитрия Дмитриевича Новодворцева представляют особый интерес. С одной стороны, они парные: по механизму реализации транстекстуальных связей их номинации двухшаговые. Фамилии обоих отсылают к Демьяну Бедному (чья истинная фамилия – Придворов). Выстраиваются следующие цепочки: Антон Голый – Демьян Бедный – тип нового советского писателя. Важно отметить, что, судя по краткому описанию Голого, в его образе можно угадать и клюевско-есенинский черты, которые В.Ф. Ходасевич в 1926 году формулировал так: «В его разговоре была смесь самоуничужения и наглости... не ходил, не смотрел, а все как-то похаживал да поглядывал, то смиренничая, то наливаясь злостью. Не смялся, а ухмылялся. Бывало, придет – на все лады извиняется: да можно ли? да не помешал ли? да, пожалуй, не ко двору пришелся? да не надоел ли? да не пора ли уж уходить? А сам нет – нет да шпилечку и отпустит... нам где же, мы люди темные, только вот, разумеется, которые ученые, – они хоть и все превзошли, а ни к чему они вовсе, да... Любил побеседовать о политике.....» [10, с. 183]. Отметим сходство портрета Голого с описанием представителя этого типа Ходасевичем: «Разгуливал он сусальным мужичком, носил щегольские сафьянные сапожки, голубую шелковую рубаху, подпоясанную золотым шнурком; на шнуре, висел гребешок для расчесывания молодецких кудрей» [10, с. 186]. Антон Голый – послереволюционный наследник этой образности. По методу формулирования, таким образом, его номинация заслуживает статуса говорящей.

Однако если фигура Антона Голого однозначна, то с Новодворцевым ситуация сложнее. Его фамилия отсылает не к вымороченному псевдониму (который Придворов стал активно использовать с 1912 г.), а к настоящей фамилии. Новодворцев парадоксальным образом совмещает в себе прошлое и будущее: он, безусловно,

человек «нового времени», он служит при «новом дворе», но Новодворцев сохраняет в себе и память о прежнем времени: «И вдруг, ни с того ни с сего вспомнил гостиную... как все огни елки хрустальным дрожанием отражались в ее широко раскрытых глазах, когда она с высокой ветки срывала мандарин. Это было лет двадцать, а то и больше назад, — но как мелочи запоминаются» [9, с. 272]. Но от прежнего времени он всеми силами отрешивается: «Во время оно, в сей день, ваша братия строчила рождественские фельетончики... «Со мной не случилось», — сказал Новодворцев». «Новая жизнь была душе его впрок и впору. Шесть томов... Но тусклая слава, тусклая...» [9, с. 273]). Показателем связи Новодворцева с прошлым выступает и другой элемент его номинации: Дмитрий Дмитриевич. Во-первых, имя «Дмитрий» является знаковым для семьи Набоковых (это имя его деда). Во-вторых, редупликация номинаций ценна сама по себе: она символизирует замкнутость, конечность, самовоспроизводимость определенных конструктов и установок — именно поэтому Дмитрий Дмитриевич Новодворцев и не может до конца интегрироваться в новое советское общество, слава кажется ему тусклой, а воспоминания о прошлом еще живы. Наконец, подобная редупликация встречается и в имени автора — Владимира Владимировича Набокова.

Образ Новдворцева становится своеобразным «alter-ego» автора — каким писатель мог бы быть при других обстоятельствах и других убеждениях. Это осколок прошлого, растративший свой талант в условиях «нового двора», — именно поэтому рассказ Набокова заканчивается началом рождественского рассказа Новодворцева, и это начало пошлое и грубое: «Наглая елка переливалась всеми огнями радуги» [9, с. 274].

Цепочка номинации Дмитрия Дмитриевича Новодворцева двухшаговая с раздвоением на втором шаге (Придворов/alter-Набоков). По методу формулирования — имя-ключ, поскольку его случай не очевиден и не однозначен, как случай с Антоном Голым.

Имена фоновых Туманова и Неверова образуют своего рода оппозицию. Туманов — осколок прежней эстетики Новодворцева, Неверов — псевдоним выходца из крестьян, писателя Александра Скобелева (1886-1923) [9, с. 700] и «говорящая» номинация для писателя сама по себе: особенно в стране, где наступило новое время, вера утрачена и даже рождественские рассказы предстоит писать «по-новому».

Мы увидели, что в «Рождественском рассказе» имена функционируют системно, находятся во взаимодействии друг с другом. Обусловленные единой

тематикой, проблематикой (рецепция рождества среди «новых» советских писателей) и стилистикой, номинации являются важным приемом, формирующим и формулирующим настроение текста, его мотивную структуру. Номинации выступают полноценной характеристикой персонажа в пространстве текста малой формы — и их значение тем выше, чем меньше количество персонажей.

Таким образом, суммируя наши наблюдения на материале трех рассказов Набокова, мы приходим к следующим выводам:

1) Разделяя системы имен на два типа, можно ввести оппозицию «порядок vs структура». В первом случае система понимается в широком смысле — как набор номинаций, подобранных в массе своей разрозненно. Единственный фактор объединения их в «систему» — то, что персонажам во всяком тексте свойственно иметь имена. Система имен, таким образом, становится проекцией системы персонажей и лишена собственного активно функционирующего уровня.

2) Понимая систему имен как структуру, мы имеем в виду, что номинации представляют собой цельный конструкт, все элементы которого однородны на формальном и тематическом уровнях, выполняют одни и те же функции и служат одним и тем же авторским целям и задачам.

3) Функционирование имен собственных персонажей в системе мотивируется яркой и специфической тематикой и стилистикой текста, предполагающей многочисленные и продуктивные параллели и связи с внетекстовой реальностью (шахматы, ветхозаветное предание, христология).

4) Номинация, работая в системе, является важным средством характеристики как одного персонажа, так и группы героев, выражает на новом уровне их взаимоотношения.

5) В текстах, принадлежащих малой форме, появление системы имен как структуры значительно более вероятно: неаккуратно используемый в пространстве романа прием рискует придать тексту аллегорический, но при этом весьма плоский характер.

6) Говоря о рассказах с небольшим количеством персонажей, стоит разделять героев на подгруппы по степени их важности и частотности появления. Номинации ключевых героев текста и будут образовывать структуру, при этом особенности имен фоновых персонажей — вторичны.

7) Связь между объемом текста и степенью важности роли системы имен персонажей обратно пропорциональная: значение имен тем выше, чем меньше количество персонажей.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Российское библейское общество, 2006. – 1376 с.
2. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. [Электронный ресурс]: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (Дата обращения: 06.07.2021).
3. Владимир Набоков: pro et contra. Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология: В 2 т. – СПб., 1999.
4. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. – М.: Высшая школа, 1985. – 303 с.
5. Ковалев Б.В., Пугач В.Е. Имя собственное в рассказах В.В. Набокова (на примерах рассказов «Подлец» и «Рождество») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 2. С. 169-176. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-169-176.
6. Кучина Т.Г., Леонидова И.А. Акустические и музыкальные образы в русскоязычных рассказах В. Набокова // Верхневоложский филологический вестник. – Ярославль: ЯГПУ, 2016. – с. 32-35.
7. Набоков В.В. Собр. соч: в 4 т. Москва : Правда, 1990. Т. 4. С. 384-405.
8. Набоков В.В. Истинная жизнь Севастьяна Найта / Пер. с англ. Г. Барабтарло. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 352 с.
9. Набоков В.В. Полное собрание рассказов / В. В. Набоков; сост. А. Бабинов. 3-е изд., уточненное. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 752 с.
10. Ходасевич В.Ф. Некрополь. – СПб: Азбука-классика, 2008. – 320 с.
11. Butler, Alban. Saint Ida, Widow, Lives of the Fathers, Martyrs, and Principal Saints, 1866.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 07 (75), 2021

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.08.2021
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 5,07. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru